

$A=B$ (синтетическое суждение) предполагает эмпирическую процедуру, расширяющую имеющееся знание. Поэтому-то в данном случае и идет речь об отождествлении разных смыслов, что и отображено в таблице.

Мы попытались показать, что процесс отождествления как необходимое условие образования понятий, как операция интеллектуальная, имеет реальную предпосылку, что «абстрагирующая голова» не природный дар, а продукт определенного типа предметной деятельности. Конечно, не везде эта идея просматривалась достаточно отчетливо. К примеру, отождествление текстов трудно понять как то же самое, что и обмен товарами. Однако в рассматриваемом отношении это действительно одно и то же. Материальность текстов задает их различие, а отождествление достигается в конечном итоге инвариантностью практических действий на их основе. Поэтому отождествление текстов есть именно отождествление материальных структур. Однако рассмотренным конкретно-научным материалом не ограничивается сфера действия практического отождествления как реальной предпосылки формирования научных понятий.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Бирюков Б. В. Теория смысла Готлоба Фреге. — В кн.: Применение логики в науке и технике. М., 1960, с. 64—89. 3. Майер Р. Закон сохранения и превращения энергии. — М.; Л., 1933. — 178 с. 4. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл — Текст». — М., 1974. — 170 с. 5. Фреге Г. Смысл и денотат. — В кн.: Семантика и информатика, 1977, вып. 8, с. 45—54.

Поступила в редколлегию 30.03.82.

Т. С. ВОРОПАИ

ПОНИМАНИЕ И СМЫСЛ (СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ)

В последние годы наметился серьезный интерес к проблеме понимания. Появляется все больше работ, в которых понимание исследуется не как психологический процесс и не в связи с задачами педагогики, что характерно для традиционного подхода к этой проблеме, а как логико-гносеологическая процедура. В работах советских авторов ведется критика субъективно-идеалистических трактовок понимания в рамках буржуазной философской герменевтики от В. Дильтея до П. Рикера и предпринимается попытка разработать в положительном плане диалектико-материалистическую концепцию понимания [4; 5; 9; 10; 13; 15; 16].

Актуальность этой проблемы обусловлена рядом причин. Во-первых, возросла роль массовых коммуникаций и усложни-

лась структура информационных процессов в обществе. В этих условиях понимание рассматривается как связующее звено между познанием и общением. Идеи, как подчеркнул А. А. Брудный, не могут стать материальной силой, «не могут обрести мощь вне их понимания». Поэтому понимание надо исследовать «как одно из кардинальных условий исторической реализации идей» [3, с. 103]. Во-вторых, изменился характер научного знания, увеличилась степень его формализации, рефлексивности. Современный ученый все больше имеет дело не с эмпирическими объектами, а с объектами, теоретически интерпретированными. Понимание при этом выступает как условие преодоления множественности интерпретаций, условие единства и непрерывности человеческого опыта. Особенно возрастает роль процессов понимания в эпохи научных революций, когда человек сталкивается с такими формами знания, которые не укладываются в традиционную парадигму и требуют для своего понимания перехода к новому базису понимания. «Проблема понимания актуализируется как проблема познания, — пишет В. И. Кузнецов, — только в процессе порождения новых познавательных результатов, где всегда не ясно отношение между новым и старым знанием, т. е. непонятно, как добыть новое знание, опираясь и исходя из старого» [9, с. 64].

Если знание характеризует определенное отношение к объекту, то понимание (по наиболее общему определению) — это отношение к содержанию знания о нем, обусловленное конкретно-историческим состоянием науки и общественной практики [10, с. 50]. Хотя понимание представляет собой одну из наиболее распространенных познавательных процедур, оно не является чисто рациональной деятельностью. Сами основания понимания не сводимы к четко осмысленным предпосылкам, а лежат в более широкой сфере мировоззренческого, социально-культурного опыта человека. Человеческое мышление не реализуется в абсолютных, внеисторических формах, но существует всегда в конкретных определениях, всегда обусловлено своей эпохой. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» писал: «Мы можем познавать только при данных нашей эпохе условиях, и лишь постольку, поскольку эти условия позволяют» [1, с. 556].

Основное содержание современных работ по пониманию составляют поиски адекватных логико-гносеологических средств изучения этого феномена. Проводится интенсивный анализ экспликантов «понимания», выясняются соотношения понимания и знания, понимания и объяснения, понимания и смысла, понимания и интерпретации, понимания и перевода и т. д. Ведется исследование по определению типов «понимания», выяснению его внутренней структуры. Уточняется содержание понятия «понимание» как оно используется в различных науках, его место в системе гносеологических категорий. Предпринимаются попытки описания социально-культурного поля,

контекста, в котором разворачиваются процессы понимания. Разнообразие всех этих подходов свидетельствует о сложности и многозначности понятия «понимание», выявляет существенные разногласия в вопросе о его статусе. Разногласия эти касаются вопросов о связи понимания и смысла, понимания и объяснения, активности субъекта понимания и т. д.

Известно, что проблема понимания возникла и долгое время разрабатывалась в контексте противопоставления гуманитарного и естественнонаучного знания. Понимание объявлялось универсальным методом познания «наук о духе» в противоположность объяснению — методу, присущему, как считалось, лишь естественным наукам (В. Дильтей, Г. Зиммель и др.). Природу мы объясняем, писал Дильтей, душевную жизнь мы постигаем. Понимание у Дильтея и его последователей — это особый вид познания психического как единого целого, познания «общей планомерной связи душевной жизни» [7, с. 13].

Марксистская теория познания настаивает на единстве процессов познания природных и общественных явлений, но это, однако, не устраняет признания специфичности естественнонаучного и гуманитарного знания. Никакие универсальные процедуры и теории не могут снять эту специфичность, но они могут помочь точнее и глубже осознать ее. Трудно поэтому согласиться с авторами, которые видят задачу в том, «чтобы построить логическую теорию понимания, пригодную для любой науки — как для гуманитарной, так и для естественной» [14, с. 38].

Процессы понимания в гуманитарных науках связываются прежде всего с пониманием текстов [2; 4; 6]. Понимание здесь рассматривается как процедура раскрытия реального смысла текста. Но с текстами имеют дело и естественные науки. Специфика текстов гуманитарных наук касается двух моментов: отношений субъект—текст и текст—смысл. По отношению к текстам науки, возможно, и справедлива точка зрения С. А. Васильева, согласно которой они «являются достаточно автономными посредниками в системе культуры, что позволяет отвлечься от вопроса о субъекте понимания» [13, с. 107]. К научным текстам применимо операциональное определение понимания как их синонимического преобразования с сохранением смысла. Но подобное определение совершенно неприемлемо для текстов, имеющих более одного смысла и допускающих разную интерпретацию. А таково большинство текстов искусства, в особенности тексты художественной литературы. Понимание этих текстов весьма существенно меняется в процессе их исторического функционирования прежде всего потому, что меняется субъект понимания — общество, взятое в определенный момент своего развития, меняется культурный контекст, на фоне которого данный текст рассматривается. По отношению к таким текстам нет оснований говорить о смысле, независимом от процессов восприятия и понимания.

А. А. Брудным сформулирована гипотеза о том, что понимание — это результат взаимодействия сложного механизма, одна часть которого составлена структурой и семантикой текста, другая же содержится в сознании и памяти индивида [4, с. 112]. Можно предположить, что эта гипотеза справедлива для любых текстов. Но следует заметить, что смысл текстов науки относительно независим от тезауруса субъекта восприятия (научный текст в идеале должен одинаково пониматься всеми членами научного сообщества), тогда как смысл, например, текстов искусства испытывает прямую зависимость от субъекта понимания. Многозначность здесь естественна и необходима.

Смысл текста, его концепт как итог понимания, пишет А. А. Брудный, носит в принципе внетекстовый характер, «он формируется в сознании читающего, отнюдь не всегда получая достаточно точное речевое выражение» [4, с. 116]. Следовательно, понимание текста может приводить к знанию, которое в самом тексте непосредственно не дано. Особое значение здесь приобретает экспликация контекста, поскольку именно в нем заключены условия понимания текста. Сходной точки зрения придерживается Ю. А. Основин, считающий, что «сам по себе письменный текст смысла не имеет, не содержит в себе понимания вне деятельности с ним субъекта» [12, с. 67]. Текст, по его мнению, является лишь предметом понимания. Эти утверждения вряд ли покажутся бесспорными, если не уточнить, что в данном случае понимается под смыслом. Остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

М. М. Бахтин писал: «Смыслами я называю *ответы* на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» [2, с. 350]. Близкое по сути определение смысла содержится у Р. Дж. Коллингвуда: «...Вы никогда не сможете узнать смысл сказанного человеком с помощью простого изучения устных и письменных высказываний, им сделанных, — пишет он. — Чтобы найти этот смысл, мы должны также знать, каков был вопрос (вопрос, возникший в его собственном сознании и, по его предположению, в нашем), на которое написанное им должно послужить ответом» [8, с. 339]. Это определение разделяют многие современные авторы. Так, М. В. Попович считает, что «любое выражение может быть осмыслено, если оно является ответом на какой-нибудь вопрос (духовный запрос, потребность)» [13, с. 168—169].

Очевидно, вопрос и ответ здесь следует рассматривать не как логические категории, а предельно широко — как элементы диалогической структуры смысла. «При понимании — два сознания, два субъекта», — отмечает М. М. Бахтин [2, с. 290]. Вопрос и ответ предполагают у него взаимную вневзаимность, их нельзя вместить в одно сознание. В свете приведенных выше определений понимание — это всегда понимание другого Я,

оно диалогично в отличие от объяснения, которое монологично. Данная интерпретация понимания является собственно социальной, ибо предполагает по меньшей мере двух потенциальных субъектов, в результате совместной деятельности которых происходит процесс разворачивания и становления смысла. Таким смыслом не может быть наделен природный объект. Мир природы вообще не обладает внутренней смысловой структурой. Смыслами в естествознании обладают не объекты природы, а те формы выражения знания, которые занимают посредническую роль между субъектом и объектом: научные тексты, теории, задачи и т. д. И только по отношению к ним может использоваться понятие «понимание». По общему определению понимание в естествознании — это представление смысла теоретических объектов, конструкторов [5; 9; 13; 16]. В естествознании вообще понимание играет подчиненную роль, оно не обладает собственной познавательной ценностью. В науках естественных мы понимаем для того, чтобы объяснить, в гуманитарных, наоборот, объясняем для того, чтобы понять.

Однако следует заметить, что такая трактовка понимания в естествознании не снимает полностью дильтеевскую постановку проблемы, поскольку она в сущности сводит понимание к пониманию знания. А Дильтей вводил понимание как способ постижения объектов — объектов социальной реальности, обладающих значением уже до процесса познания, в отличие от объектов природы, не обладающих таким значением. Сейчас намечается тенденция «омолодить» древний образ познавательного процесса как «чтения книги Природы», высказываются мнения о правомерности понятия «понимание природы». Так, И. С. Алексеев считает, что можно говорить о понимании действительности, которая должна стать осмысленной и понятной в результате процесса понимания [11, с. 149]. Однако такую точку зрения пока нельзя считать достаточно обоснованной.

В литературе также предпринимаются попытки оперировать термином «понимание» без привлечения термина «смысл», но такие интерпретации понимания вряд ли приложимы к текстам гуманитарных наук.

В заключение можно дать предварительное определение понимания как деятельности субъекта, направленной на раскрытие смысла текста. Этот смысл не задан субъекту извне как объективная данность, а формируется в процессе понимания под непосредственным влиянием потребностей, целей и ценностей субъекта. Активный характер понимания говорит в пользу того, что понимание не сводимо к усвоению знания, материализованного в тексте, но всегда связано с получением нового знания. Понимание не может быть исчерпывающим, так как процесс образования смысла исторически бесконечен. С этим связана эвристическая функция понимания: новое понимание текста актуализирует его ранее скрытые значения, новое понима-

ние уже известных фактов может приводить к созданию принципиально новых теорий и т. д.

Учитывая диалогический характер образования смысла, следует отметить, что для понимания необходима определенная общность контекста, базиса понимания: интеллектуального, культурного, социального. Общность контекста является не только условием понимания, но и обуславливает его интерсубъективный характер, возможность выйти за рамки индивидуального опыта понимающего субъекта.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 160 с. 3. Брудный А. А. Проблема языка и мышления — это прежде всего проблема понимания. — *Вопр. философии*, 1977, № 6. 4. Брудный А. А. Понимание как философско-психологическая проблема. — *Вопр. философии*, 1975, № 7. 5. Васильева Т. Е., Панченко А. И., Степанов Н. И. К постановке проблемы понимания в физике. — *Вопр. философии*, 1978, № 7. 6. Горский В. С. Историко-философское истолкование текста. — К.: Наук. думка, 1981. — 145 с. 7. Дильтей В. Описательная психология. — М., 1924. — 140 с. 8. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. — М.: Наука, 1980. — 170 с. 9. Кузнецов В. І. Проблема розуміння і розв'язання пізнавальних завдань у природознавстві. — *Філософ. думка*, 1981, № 5. 10. Малиновская К. В. Понимание и его роль в науке. — *Вопр. философии*, 1974, № 1. 11. Методологические проблемы историко-научных исследований. — *Вопр. истории естествознания и техники*, 1981, № 4. 12. Основин Ю. А. Соотношение гносеологического и языкового аспектов понимания. /Методологические проблемы науки и культуры. — Куйбышев, 1978. Вып. 3. 13. Понимание как логико-гносеологическая проблема. — *Вопросы философии*, 1981, № 5. 14. Предисловие Б. С. Грязнова и В. Садовского к кн. Структура и развитие. — М.: Прогресс, 1978. — 220 с. 15. Роговин М. С. Динамика соотношения понимания и перевода в познании. — *Вопр. философии*, 1981, № 2. 16. Юдин Б. Г. Объяснение и понимание в научном познании. — *Вопр. философии*, 1980, № 9.

Поступила в редколлегию 22.03.82.

Н. П. БОБКОВА, канд. филос. наук,
К. М. УЗБЕК

О СООТНОШЕНИИ ИСТИНЫ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В МАТЕМАТИЧЕСКОЙ НАУКЕ В СВЕТЕ ТЕОРЕМ ГЕДЕЛЯ

Диалектико-материалистическое решение проблемы истины предполагает, что субъект в своей познавательной деятельности способен установить связь логических конструкций с лежащим вне его миром. Однако проблема отображения объективного мира в системе знания сложна и многогранна, поскольку субъект имеет дело с объективным миром не в «чистом виде», а миром, который задается практикой через ощущения и понятия, через абстракции и идеализации. Диалектический материализм раскрывает понятие объективной истины в категориях относитель-

ной и абсолютной истины, которые характеризуют ее как диалектический процесс изменения и развития знания, отображающего объективный мир [8, с. 46].

Поскольку объективный мир есть множество¹ взаимосвязанных элементов и, познавая этот мир, приходится абстрагироваться от некоторых его сторон, то приближенность и неполнота становятся специфическими свойствами относительной истины. Понятие абсолютной истины в диалектическом материализме трактуется не в плане «вечной истины», переходящей в неизменном виде от одной ступени знания к другой, а как такое знание, которое в процессе снятия не отбрасывается полностью, а выступает предпосылкой более глубоких и фундаментальных истин, т. е. абсолютная истина проявляется в объективном факте развития знания [8, с. 50].

Ленинское учение об объективной истине, его критика релятивизма и агностицизма в теории познания имеет непреходящее значение и дает методологическую основу для анализа познавательной деятельности человека, в особенности для научного познания [1, с. 123, 329]. Большое значение приобретает это учение в решении философских вопросов математического знания, где вопросы математической истины, методы проверки истинных предложений, полученных в пределах формальных систем, соотнесение их с объективным миром и др. всегда были дискуссионными и решались в разное время по-разному. И тем не менее всегда господствовала точка зрения, что, развивая математику, мы тем самым раскрываем всеобщую, необходимую и абсолютную истину. Вопрос состоял в том, как, каким способом исследователь достигает этих истин? Является ли математическое мышление эталоном получения истинных знаний?

Эти и подобные вопросы неоднократно обсуждались в литературе по философским вопросам математики и по вопросам ее обоснования. Кроме того, математизация естественнонаучных теорий также в значительной степени определяет интерес к вопросам получения истинного знания математическими средствами, к критериям, способным обосновать истинность получаемых результатов.

В математике, в процессе ее построения, был выработан аппарат, предохраняющий математические теории от введения в них чувственного опыта, который в принципе ограничивает возможности и строгость самой математической теории. Даже метод интерпретации теории, несмотря на всю важность его, имеет второстепенное, подчиненное значение. В связи с этим диалектико-материалистический критерий практики приобретает в математике специфические черты.

¹ Это предельно общее и внешнее представление о мире тоже является лишь относительной истиной, поскольку существует противоположная и дополнительная сторона мира — мир как неделимое и неразложимое на множества целое [7, гл. IV].

Таким общепризнанным аппаратом явился аппарат формализации теории, поскольку формализованная теория надежно защищена от проникновения в нее наглядных образов и представлений. Это требование было полностью достигнуто в работах Д. Гильберта и его учеников по формализации математического знания. В результате формализации математические конструкции достигают высокого уровня сложности и абстрактности, а получаемые в них результаты уже нельзя непосредственно сопоставить с эмпирическими фактами. Следовательно, вопрос о проверке истинности полученных результатов переносится на анализ методов и форм получения этих результатов. Тогда центральным становится вопрос о тех логических средствах, которыми пользуются при построении математической теории с целью получения знания, адекватного объективной действительности. В формализованных теориях существует только один способ контроля соответствия объективной истине — это точное соответствие законам логики.

В математике, т. е. в области абстрактных конструкций, основным методом получения истинных предложений является формальное доказательство, т. е. выведение данного предложения из системы основополагающих понятий (аксиом) по определенным правилам вывода. Существенным гносеологическим моментом является то, что истина в математике связана с высказываниями и суждениями не об объективном мире, а об абстрактных математических объектах и об отношениях между ними. Сами доказательства при этом носят чрезвычайно абстрактный характер, что лишает возможности непосредственной эмпирической проверки доказательств. И тем не менее длительное время господствовало убеждение, что математическое мышление является эталоном получения истинных знаний, что достаточно формально доказать математическое предложение, чтобы считать его истинным и что всякое истинное предложение доказуемо.

Преследуемая Гильбертом цель с помощью формализации математической теории оградить ее от проникновения чувственного опыта и наглядности, сообщить ей высокий уровень абстракции от смысла и содержания вводимых в нее математических объектов, была неотделима от требования «финитности» применяемых в математике рассуждений, считавшихся заведомо абсолютно верными. Всякие трансфинитные понятия, по его мнению, являются всего лишь конструкциями человеческого разума и должны быть отнесены к так называемым идеальным понятиям, удел которых быть только вспомогательным средством при конструировании формальной системы. К таким идеальным понятиям Гильбертом была отнесена актуальная бесконечность на том основании, что она «нигде не реализуется» в опыте, а привнесена в него нашей интеллектуальной деятельностью, что несовместимо с методологическими установ-

ками формализма. Его предварительное требование сводилось к тому, что «в нашем представлении уже должно быть дано нечто, а именно — определенные внелогические конкретные объекты, которые существуют наглядно, в качестве непосредственных переживаний до какого бы то ни было мышления» [2, с. 366].

Задача, следовательно, состояла в том, чтобы определить тот круг понятий и методов, которые не вызывают сомнений, а в этот круг попадали только «действительные» понятия и финитные методы. (Как известно, все эти усилия Гильберта по реконструкции метаматической теории были вызваны парадоксами, вскрытыми в теории множеств, положенной в основание математики). Благодаря такой реконструкции, математика, по убеждению Гильберта, снова сможет стать «образцом достоверности и истинности». Оставалось только решить проблему непротиворечивости такой системы, так как непротиворечивость являлась как бы внутриматематическим аналогом критерия практики, используемого в естественных науках.

Поскольку формализовалась не какая-то часть математической теории, а вся математика, то метод интерпретаций, примененный им при доказательстве непротиворечивости евклидовой геометрии, оказывался непригодным, во-первых, в силу своей относительности, а во-вторых, в силу невозможности найти непротиворечивую теоретическую модель для всей математики в целом. Обращение же к реальности, соотнесение абстрактных конструкций с объективным миром, хотя бы и через ряд ступеней опосредования, для Гильберта было неприслужимо. Поэтому он обратился к прямому доказательству непротиворечивости созданной им формальной системы, опираясь при этом на теорию математического доказательства (метаматерику), идея которой также принадлежит ему.

Тем самым математика замыкалась в себе, разрывая всякую связь с «внешним миром», не допуская никакой соотносительности с существующей реальностью даже через интерпретацию своих основных понятий. И в этой «замкнутой» системе она пыталась решить и проблему непротиворечивости, и проблему полноты, и проблему независимости и др., а при успешном решении их — проблему абсолютного обоснования математики в целом, т. е. обоснование математики на все времена. В такой системе можно было бы доказать все истинные предложения.

Однако этим надеждам не суждено было сбыться и причиной этому были результаты исследований, проведенных австрийским математиком К. Геделем в области логики и теории доказательств в 1931 г. Две теоремы Геделя — теорема о неполноте формальных систем и теорема о непротиворечивости — имеют в этом плане существенное значение. Теорема о неполноте утверждает, что формальная система, как бы широка она ни была, неполна, поскольку в ней всегда можно сформулиро-

вать предложение, которое одновременно недоказуемо и неопровержимо. Это означает, что существует предложение, сформулированное на языке формализованной системы, которое является истинным, но не может быть доказано средствами, реализующимися в этой системе. В математике всегда считалось, что формальное доказательство является надежным средством получения истинных предложений, что всякое истинное предложение можно доказать, т. е. множество всех доказуемых предложений должно совпадать с множеством всех истинных предложений. Теорема Геделя о неполноте разрушила это необоснованное убеждение.

Оценивая результаты, вытекающие из этой теоремы и соотнося их с проблемой истины и доказательства, А. Тарский подчеркивает, что «в сфере математики понятие доказуемости не является совершенным заменителем понятия истины. Вера в формальное доказательство как адекватный инструмент для установления истины всех математических утверждений является необоснованной» [6, с. 145].

Следовательно, возможности формализованных доказательств весьма ограничены, так что представление, будто существуют абсолютно достоверные доказательства, не отражает действительного положения вещей. Характеризуя это обстоятельство и полностью возлагая ответственность на ограниченные возможности дедуктивного метода, Нагель и Ньюмен подчеркивают, что «аксиоматический подход к математическим теориям не в состоянии охватить всю область истинных математических суждений. А отсюда вытекает, что то, что мы понимаем под процессом математического доказательства, не сводится к использованию аксиоматического метода. Значит, безнадежно рассчитывать на то, что понятию математического доказательства можно придать раз навсегда четко очерченные логические формы» [5, с. 58]. Комментарии, как говорится, излишни.

Что касается второй теоремы Геделя о непротиворечивости, то сущность ее сводится к тому, что непротиворечивость формальной системы не может быть доказана средствами самой формальной системы. Непротиворечивость данной системы может быть доказана, если использовать средства другой, более мощной системы, но тогда возникает проблема непротиворечивости этой новой системы и так до бесконечности.

Теоремы о неполноте и непротиворечивости тесно связаны между собой, так как, если система непротиворечива, то она неполна, поскольку в ней нет доказательства этой непротиворечивости, если же система полна, то она противоречива, так как тогда в ней доказуемы предложения типа A и $\neg A$. Как отмечает И. З. Цехмистро, «в математике взращен идеал точного, строгого и совершенно однозначного знания. Но точность и однозначность достигается лишь ценой заведомого отказа от полноты.

знания, неразрывно связанной с неизбежной противоречивостью его. Это указывает на диалектическую природу оснований математики, о чем свидетельствует история их развития» [7, с. 161].

Таким образом, формализация теории не дает возможности решить все проблемы обоснования математики, в число которых входит и задача получения всех истинных предложений. Цель, поставленная Гильбертом, в принципе недостижима.

Методологические выводы из теорем Геделя могут быть в основном сведены к следующим моментам:

результаты Геделя иногда расцениваются как математическое подтверждение агностицизма, так как из доказательства существования неразрешимых предложений математики делают вывод, что математические методы не могут дать объективной истины. В действительности теоремы Геделя показывают не то, что существуют неразрешимые вопросы, а то, что есть вопросы, неразрешимые в пределах определенной формальной системы. Это соответствует положению диалектического материализма о том, что нет истин непознаваемых, а есть истины непознанные. Следовательно, необходимо открывать и изобретать новые методы получения математической истины;

проблема обоснования математики никогда не может быть вписана в рамки логицизма или формализма. Теоремы Геделя только подтверждают учение диалектического материализма о бесконечности процесса познания. Этот процесс противоречив и в силу этой противоречивости и бесконечности «финитные» критерии Гильберта несостоятельны, так как «нельзя в какой бы то ни было формально-логической системе выразить все богатство математического мышления» [3, с. 122];

несовершенство формальных выводов связано не с ошибками логиков и математиков, а с самой природой математического доказательства. «Окончательных» доказательств не существует. Каждый способ математического доказательства имеет свою специфику, зависит от характера и особенностей доказываемого утверждения, но все они должны обладать одной важной особенностью: удовлетворять требованиям логической строгости. Следовательно, понятие математической истины самым тесным образом связано с понятием логической истины, т. е. утверждения математики не должны противоречить законам логики. Значит, математическое понимание истины в конечном счете сводится к формальной непротиворечивости. Благодаря этой специфике математической истины особое методологическое значение приобретает анализ вопроса о соотношении абсолютной и относительной истины в математических доказательствах.

Одновременно осознание наличия в математике неразрешимых предложений, как это вытекает из теорем Геделя, обострило фундаментальный тезис о практике как критерии истинно-

сти знания применительно к математической науке: именно в связи с вышеизложенными фактами единственным критерием истинности некоторых математических утверждений оказывается сама практика математического исследования. Так аксиома выбора, выведенная в явном виде в 1902 г., и сегодня остается проблематичным утверждением. Однако практика успешного ее применения и богатые результаты, полученные на ее основе, в конце концов породили среди математиков уверенность в ее истинности.

Список литературы: 1. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 2. *Гильберт Д.* Основания геометрии. — М.: Л.: Гостехиздат, 1948. — 428 с. 3. *Кедровский О. И.* Методологические проблемы развития математического познания. — К.: Вища школа, 1977. — 228 с. 4. *Нагель Э., Ньюмен Д.* Теорема Геделя. — М.: Знание, 1979. — 62 с. 5. *Рузавин Г. И.* О природе математического знания. — М.: Мысль, 1968. — 301 с. 6. *Тарский А.* Истина и доказательство. — Вopr. философии, 1972, № 8, с. 136—145. 7. *Цехмистро И. З.* Диалектика множественного и единого. Квантовые свойства мира как неделимого целого. — М.: Мысль, 1972. — 275 с. 8. *Чудинов Э. М.* Природа научной истины. — М.: Политиздат, 1977. — 312 с.

Поступила в редколлегия 22.03.82.

А. К. БУЛГАКОВ

ОБ УРОВНЯХ ТЕХНИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ¹

Одним из важных методологических вопросов исследования технических наук является вопрос об уровнях технического знания. В нашей литературе высказывается точка зрения о том, что технические науки, как и естественные, характеризуются эмпирическим и теоретическим уровнями знания [7, с. 155—163; 13, с. 62—64 и др.]. Однако при этом специфика этих уровней в технических науках достаточно полно не раскрывается.

Взаимосвязь фундаментальных, прикладных и технических наук можно наглядно представить в виде шахматной партии, имеющей, как известно, три стадии: дебют, миттельшпиль и эндшпиль. Дебют — фундаментальные науки, миттельшпиль — прикладные, эндшпиль — технические.

Прикладная наука, исходя из общих свойств и законов объекта, раскрываемых фундаментальной наукой, специально рассматривает возможности использования этих законов на практике и соответственно этому — частные формы проявления общих законов, их взаимодействия. На данном этапе происходит переход от идеальных моделей к прикладным объектам². Данный переход осуществляется посредством введения соответствующих поправок в законы.

¹ Настоящая статья является следующим этапом разработки методологических вопросов технических наук, дополняющим и конкретизирующим некоторые соображения, рассмотренные в работах [3; 4].

² Вообще говоря, законы в прикладном естествознании — это тоже модели, но иного порядка, чем идеальные модели фундаментальной науки. Аналогично обстоит дело и при переходе к наукам техническим.

Использование открытий науки в производственной практике, как отмечает М. Л. Лезгина, требует решения целого ряда задач [9, с. 238—239]. Прикладное естествознание решает такие основные задачи: открытие новых следствий и механизмов действия общих законов, использование которых было бы практически полезным; теоретическое исследование возможных путей такого использования, а также оценка простоты и эффективности каждого из них; на основе этого — лабораторная отработка на стендах наиболее перспективных способов использования данных научных открытий.

Технические науки рассматривают пути и средства реализации возможностей использования законов природы на практике (удовлетворяя соответствующие общественные потребности), конкретизируют данные прикладных наук в технике. Здесь завершается переход от природных объектов к техническим. В технических науках коэффициенты имеют еще более сложный вид по сравнению с коэффициентами, вводимыми в прикладных науках. Это является следствием того, что многие принципы технических наук задаются в системе очень жестких правил, которые проявляются в связи с введением стандартов, технических условий на соответствующую продукцию и т. п. По сравнению с естествознанием, объекты технических наук ограничивают возможности выбора комбинаций использования различных законов природы в процессе проектной и конструкторской деятельности, непосредственно связанной с целями и задачами реализации и практического действия.

В технической теории принято выделять три типа описания (характеристик): морфологическое (конструктивное), функциональное (техническое, точнее, практическое) и естественнонаучное (природное или процессуальное). На эмпирическом уровне содержание технического знания составляют два типа описания — морфологическое и функциональное. Морфологическое описание фиксирует конструктивные связи составляющих данную предметную структуру элементов, форму и свойства этих элементов. Уровень функционального описания направлен на рассмотрение действия отдельных элементов предметной структуры и производимого ими совокупного действия, так как структура детерминирована ее внешней функцией. Эмпирическое техническое знание лишь фиксирует связь строения и функционирования, не вскрывает закономерностей их связи [13, с. 62].

Техническое знание **теоретического уровня** появляется тогда, когда не только установлен, но и теоретически описан и объяснен естественный процесс, совершающийся в техническом объекте. Разумеется, техническая теория описывает свой специфический естественный процесс, совершающийся в конкретном техническом объекте, а не просто «абстрактный» процесс, открытый естествознанием. Причем «целостность объекта и принципы его организации заданы этим процессом» [12, с. 153]. Та-

ким образом, на теоретическом уровне технический объект описывается как единство морфологических, функциональных и естественных характеристик. После этого все содержание технической теории направляется на обоснование таких правил и принципов, которые могут служить основой для получения расчетных соотношений для многих частных вариантов технических решений.

Во взаимной связи морфологических, функциональных и естественных характеристик технического объекта решающей является функциональная характеристика, именно она обуславливает (задает) специфику объекта как технического объекта и соответственно его морфологию и возможность использования (выбора) определенных свойств и законов природного объекта.

Необходимый элемент теорий естественных наук — идеальные объекты. Поскольку целью естествознания является познание закономерностей природных объектов, то именно с открытием и теоретическим описанием того или иного закона связано построение идеальной модели процесса. Модель в качестве идеального (абстрактного) объекта выступает основанием теории. Фундаментальная наука, особенно на теоретическом уровне, непосредственно рассматривает идеальные модели (например, материальную точку, абсолютно твердое тело, идеальный газ и др.) и формулирует законы, относящиеся к этим моделям. Особо важную роль играют методы теоретического познания (идеализация, формализация, восхождение от абстрактного к конкретному и т. д.). Фундаментальная наука развивается главным образом на основе собственной внутренней логики развития, а также ее методов и задач, которые в конечном счете отображают перспективы и потребности развития общественной практики.

Аналогичное построение теории в технических науках опирается на представление об идеальном техническом объекте. Но специфические цели и задачи технических наук обуславливают и особенности соответствующих идеальных объектов. В ходе описания процесса, совершающегося в техническом устройстве, от рассмотрения процесса переходят к описанию элементов устройства; установлению характеристик этих элементов, обеспечивающих функционирование объекта; к описанию взаимосвязей параметров, характеризующих элементы структуры. Для различных объектов вырабатываются соответствующие представления о тех или иных характеристиках их структуры. Ими и их соотношениями оперируют при построении теории. Важным моментом является то, что уравнения, выражающие указанные соотношения, описывают физические (или другие) процессы в самом общем виде: физическое содержание процесса, детерминирующее связи объекта, обуславливает вид, форму этих уравнений. Уравнения фиксируют связи между па-

параметрами элементов структуры в абстрактной форме. В результате в технических науках строится теория со своим специфическим содержанием (в технической теории описывается связь элементов через конструктивно-функциональные характеристики — геометрические размеры, число витков и пр., — на которые можно воздействовать для изменения хода процесса в объекте непосредственно), и технические науки выполняют функцию связующего звена между наукой (фундаментальной и прикладной) и производством [11, с. 142].

Рассмотрим соотношение фундаментального и прикладного естествознания и технического знания на примере электромагнитной теории.

Фундаментальным уровнем теории электромагнитного поля явились уравнения Максвелла, которые объясняли все известные явления электромагнетизма, а также предсказывали существование радиоволн и возможность их распространения со скоростью света.

Как известно, электромагнитное поле в изотропных средах характеризуется системой дифференциальных уравнений Максвелла:

$$\left. \begin{aligned} [\nabla H] &= \gamma E + \epsilon_a \frac{\partial E}{\partial \tau}; \\ [\nabla E] &= -M_a \frac{\partial H}{\partial \tau}; \\ (\nabla D) &= g; \\ (\nabla B) &= 0, \end{aligned} \right\} \quad (A)$$

где H — напряженность магнитного поля; E — напряженность электрического поля; D — электрическая индукция; B — магнитная индукция; τ — время; g — объемная плотность зарядов.

В этих уравнениях постоянными по величине характеристиками среды (материала) считаются:

ϵ_a — абсолютная диэлектрическая проницаемость; M_a — абсолютная магнитная проницаемость; γ — удельная электрическая проводимость.

При гармоническом изменении поля во времени уравнения Максвелла принимают вид:

$$\left. \begin{aligned} [\nabla H] &= (\gamma + j\omega\epsilon_a)E; \\ [\nabla E] &= -j\omega\mu_a H, \end{aligned} \right\} \quad (B)$$

где $j = \sqrt{-1}$; ω — угловая частота.

Теоретические выводы Максвелла были экспериментально подтверждены А. С. Поповым, Г. Маркони и Г. Герцем. Рассматривая уравнения Максвелла, Герц последовательно конкретизовал их применение к различным областям, т. е. по

существо выявил их прикладное значение Т. П. Кравец указывает на такие области, выявленные Герцем: 1. Простейший случай — в поле совсем нет токов и во времени ничего не изменяется. Тогда из максвелловых формул получается точное описание явлений электростатики и постоянного магнетизма. 2. В рассмотрение вводится первое усложнение — постоянный ток. Из формул вытекают все те законы, которые лежат в основе электротехники постоянного тока. 3. Вводится понятие изменяющейся величины тока или магнитных сил. Из формул вытекают все явления электромагнитной индукции и переменных токов со всем богатством содержания, которое вложили в эту область физики, с одной стороны, и электротехники — с другой.

4. Вводится допущение: изменения электрических и магнитных сил становится таким быстрым, что величины токов смещения, малозаметных при медленных изменениях токов, выдвигаются на первый план. В результате получается целый ряд совершенно новых явлений, которые не укладываются в рамки старых теорий и существенно отличают от них новую теорию Максвелла [8, с. 181].

В результате многочисленных опытов рождается мысль о тождестве электромагнитных и световых явлений. Опыты П. Н. Лебедева подтвердили это гениальное предвидение.

Как уже отмечалось, в теории Максвелла есть три характерные константы для каждого вещества: ϵ_a , μ_a и γ . Но теория Максвелла еще не объясняла свойств, описываемых этими постоянными, не приводила их в связь с другими характеристиками вещества. Это оказалось возможным только в процессе становления радиотехники, которое началось с создания Ли де Форестом электронной лампы «аудион» в 1906 г. Естественно, что уравнения Максвелла несколько изменили свой вид. Так, для проводников (при $\gamma \gg \omega \epsilon_a$) они принимают вид:

$$\left. \begin{aligned} [\nabla H] &= \gamma E; \\ [\nabla E] &= -\mu_a \frac{\partial H}{\partial \tau}. \end{aligned} \right\} \quad (B)$$

Для однородных совершенных диэлектриков (при $\gamma \approx 0$ и $g=0$):

$$\left. \begin{aligned} [\nabla H] &= j\omega \epsilon_a E; \\ [\nabla E] &= -j\omega \mu_a H. \end{aligned} \right\} \quad (Г)$$

В уравнениях Максвелла (B) и (Г) еще нет конкретной связи со структурно-функциональными характеристиками технических устройств, но они имеют более простой вид по сравнению с уравнениями (Б), что достигается введением соответствующих коэффициентов.

В результате интенсивного развития радиотехники несколько десятилетий назад возникло новое направление — микро-

электроника, технической задачей которой является сокращение размеров и веса электронной аппаратуры при одновременном увеличении ее надежности и долговечности. В микроэлектронике повышение функциональности элементов и схем осуществляется на основе использования различных свойств вещества, из которого они изготавливаются. Например, пьезодиэлектрик, применяемый в качестве резонатора, эквивалентен узлу, содержащему катушки индуктивности, конденсаторы, резисторы и соединительные проводники. Это приводит к тому, что в реальных условиях приходится иметь дело с анизотропными твердыми материалами кристаллической структуры или неоднородными материалами, состоящими из нескольких кристаллообразований и аморфной фазы и т. д. Естественно, что уравнения Максвелла в каждом случае будут иметь другой вид. Например, при гармоническом изменении поля в среде (материале), обладающем заметной электропроводностью ($\gamma > 0$) и замедленными механизмами поляризации, происходящими с рассеянием энергии (так называемые несовершенные диэлектрики), уравнения Максвелла (Б) имеют вид:

$$\left. \begin{aligned} [\nabla H] &= (\gamma_f - j\omega \varepsilon_a E; \\ [\nabla E] &= -j\omega \mu_a H, \end{aligned} \right\} \quad (Д)$$

где γ_f — удельная активная проводимость на данной частоте, учитывающая как сквозную электропроводность, так и активные составляющие поляризационных токов.

Введение в уравнения Максвелла (Б) параметра γ_f позволяет связать их с реальными конструктивно-функциональными характеристиками технического объекта.

Всякий технический объект представляет из себя единство «естественного» и «искусственного». Искусственность объекта обнаруживается как в той организации, которая придана ему субъектом, так и функционировании объекта (заданном этой организацией). Естественное — есть процесс, совершающийся в рамках такой организации. Хотя искусственная организация ставит определенные границы указанному процессу, естественность последнего в том, что он обнаруживает черты объективного естественного явления. Именно поэтому возможные морфологические и функциональные характеристики обуславливаются и ограничиваются в конечном итоге свойствами и закономерностями предметов и процессов природы. Но в ходе изобретения, проектирования, конструирования и создания технических устройств человек, используя возможности различного сочетания связи свойств и законов предметов и процессов природы, преобразует их в соответствии со своими потребностями и целями, создавая такие объекты (и их свойства), которые в самой природе не существуют и не обуславливаются ее собственным саморазвитием, создавая искусственно такие связи природных объектов, которые в естественном виде не проявляются.

Вообще говоря, момент, касающийся проектирования и конструирования, на наш взгляд, до сих пор не нашел своего адекватного выражения в нашей литературе. Например, рассматривая технические науки как связующее звено между фундаментальной и прикладной наукой и производством, зачастую вообще упускают из вида проектно-конструкторскую деятельность, которая по существу представляет разновидность научной деятельности. Чтобы создать современное техническое устройство, необходимо провести целый ряд всесторонних исследований, тематика которых и основное научное направление должны исходить от конструкции машины. Можно сказать, что проектирование есть завершающий этап научных исследований и одновременно — начальный этап становления нового производства.

В связи со спецификой рассматриваемых уровней технического знания очень важен вопрос, касающийся различения собственно проектирования и конструирования. Рассмотрим это подробнее.

Одним из основных выводов при рассмотрении соотношения фундаментальных, прикладных и технических наук является то, что объекты технических наук находятся в состоянии постоянного изменения. Методы технических наук — это не только методы познания технических объектов, но и методы познания той деятельности, с помощью которой они практически преобразовываются. Главная функция технических наук — практическая: получение знания о практическом создании, функционировании и изменении технических объектов. Решение технической задачи включает в себя ряд этапов, но оно необходимо предполагает создание нового технического объекта (или его совершенствование). Поэтому основными компонентами практической функции технических наук, являются проектирование и конструирование.

Именно в процессе проектной и конструкторской деятельности технические науки изучают строение и функционирование технических устройств, процесс их создания, использования (эксплуатации) и совершенствования. Именно проектная и конструкторская деятельность явилась определяющей предпосылкой выделения технических наук в самостоятельную научную область. И именно проектная и конструкторская деятельность помогает выявить специфическую структуру технического знания.

Теоретическим уровнем (и этапом) в технических науках является техническая теория, представляющая из себя синтез абстрактно-теоретических представлений естественных наук, с одной стороны, и структурно-функциональных представлений технических наук, с другой.

Реальные физические системы характеризуются бесконечным множеством разнообразных свойств. Однако основные

свойства, которыми должен обладать проектируемый объект, определяются техническим заданием на проектирование (ТЗ). ТЗ содержит перечень основных требований к свойствам объекта, определяемых его функциональным назначением и формулируемых в виде описания требуемых реакций на заданное воздействие (или воздействия), включая допускаемые отклонения этих свойств. Например, одним из компонентов ТЗ для рассмотренного нами случая в микроэлектронике с несовершенным диэлектриком было бы задание конкретной частоты f или полосы частот $f_1 \div f_2$, на которой должно работать техническое устройство. Поскольку технические объекты представляют определенную **природно-социальную систему**, то это с необходимостью заставляет учитывать многие факторы (экологические, эргономические, экономические и т. д.). Причем эти факторы зачастую противоречивы (например, требования минимальной стоимости и максимальной надежности). Это требует их дополнения условиями, определяющими последовательность удовлетворения различных критериев оптимальности. Кроме того, ТЗ обычно включает технологические, а также конструктивные требования, что является очень важным, так как проектирование новой техники всегда производится с учетом как возможности массового или хотя бы серийного производства новых технических объектов, так и их соответствующих социальных параметров.

Правоммерно сделать вывод, что необходимой предпосылкой перехода к проектированию и конструированию технических объектов является введение ТЗ в состав собственно проектирования и конструирования. В процессе проектирования и конструирования возникают новые вопросы, на основе которых техническая теория совершенствуется.

Проектирование представляет собой **переходный этап (и переходный подуровень)** от теоретического уровня технических наук к эмпирическому. На этом этапе структурно-функциональные характеристики технических устройств конкретизируются в той мере, в какой это возможно при создании принципиальной схемы (ПС) или макета (блок-схемы) технического устройства.

Эмпирическим уровнем (и этапом) в технических науках является конструирование. На этом этапе структурно-функциональные характеристики технического устройства в большинстве случаев проявляются в создании реального чертежа технического устройства с соответствующими типоразмерами, монтажной схемой, перечнем элементов и т. п. Конструирование подготавливает переход к этапу практической реализации технических устройств.

Иногда довольно трудно провести четкую границу между собственно прикладным естествознанием и техническими науками. Это является следствием того, что прикладное естествозна-

ние имеет дело как с явлениями природы самими по себе, так и с явлениями природы, преобразованными человеком. Так, в частности, теория машин и механизмов (ТММ), сопротивление материалов и др. являются пограничной областью знания между прикладным естествознанием и техническими науками. В связи с этим некоторые авторы в одних случаях относят, например, ТММ к прикладному естествознанию, а в других — к техническим наукам. Например, акад. И. И. Артоболевский дает следующее, несомненно «прикладное», определение ТММ: «Теория механизмов есть наука, изучающая строение, кинематику и динамику механизмов в связи с их анализом и синтезом» [2, с. 19]. И. И. Артоболевский в другой работе специально подчеркивает, что весь этот анализ должен работать на создание машин: «Теория машин — это наука, изучающая механику машин во взаимосвязи с рабочими процессами, ими выполняемыми. Задачей теории машин является создание на базе всех наших знаний в области естественных наук (математики, физики, химии и биологии) машин, обеспечивающих высокую эффективность и минимальный расход энергии при максимальном облегчении труда рабочего» [1, с. 4]. Вместе с тем в технических науках в процессе их развития возникают проблемы, которые должны решаться естествознанием. Например, в процессе конструирования реактивного двигателя, конструкторы столкнулись с проблемой получения высокотемпературных сплавов; при создании полупроводниковой техники — с проблемой получения сверхчистых материалов; при строительстве атомных электростанций — с необходимостью избавляться от радиоактивных отходов и т. д. [10, с. 103, 104]. Кроме того, история науки и техники свидетельствует, что решение задач, которые создаются в технических и прикладных науках, в свою очередь может приводить к зарождению фундаментальных наук.

Таким образом, определяющей тенденцией современного технического знания является следующая: техническая теория во все возрастающей степени содержит общетеоретические обобщения, а не просто знания о формах и методах проектирования или конструирования новых технических объектов. В наше время данную тенденцию проще всего проследить на ТММ, которая в конечном итоге пришла к созданию теории проектирования машин-автоматов и автоматических систем машин, что было бы невозможно без соответствующего предварительного создания основ теории структуры, кинематики и динамики механизмов (и которая сама трансформировалась из кинематического анализа пространственных механизмов).

Список литературы: 1. Артоболевский И. И. Современное состояние теории машин и ее ближайшие задачи. — М.: Машгиз, 1954. — 160 с. 2. Артоболевский И. И. Теория механизмов. — М.: Наука, 1965. — 210 с. 3. Булгаков А. К. О соотношении фундаментальных, прикладных и технических наук. —

Вестн. Харьк. ун-та, 1982, № 205. 4. Бухалов Ю. Ф., Булгаков А. К. К определению предмета технических наук. — Вестн. Харьк. ун-та, 1981, № 208. Сер. Логика и методология научного познания. 5. Велихов Е. Организуема ли любознательность? — Лит. газ., 1981, 10 июня. 6. Дитрих Я. Проектирование и конструирование: Системный подход/Пер. с польск. — М.: Мир, 1981. — 260 с. 7. Иванов Б. И., Чешев В. В. Становление и развитие технических наук. — Л.: Наука, 1977. — 190 с. 8. Кравец Т. П. От Ньютона до Вавилова. — Л.: Наука, 1967. — 170 с. 9. Лезгина М. Л. Специфика технического познания. — Социальные, гносеологические и методологические проблемы технических наук. — Киев: Наук. думка, 1978. — 190 с. 10. Фигуровская В. М. Техническое знание/Особенности возникновения и функционирования. — Новосибирск: Наука, 1979. — 165 с. 11. Чешев В. В. Идеальные объекты технических наук. — В кн.: Специфика технических наук. М., 1974, с. 59—96. 12. Чешев В. В. Соотношение технических наук и естествознания. — В кн.: Социальные, гносеологические и методологические проблемы технических наук. К.: Наук. думка, 1978, с. 98—117. 13. Чешев В. В. Специфика технического знания. — Вopr. философии, 1979, № 4.

Поступила в редколлегию 31.03.82.

И. А. ДИДУР, канд. филос. наук

К ВОПРОСУ ОБ ОЩУЩЕНИИ КАК СУБЪЕКТИВНОМ ОБРАЗЕ ОБЪЕКТИВНОГО МИРА

В ленинском теоретическом наследии внимание ученых все более привлекает проблема чувственного познания и особенно такая ее форма, как ощущение. Это связано с развитием кибернетики, теории информации, теории художественного творчества, марксистско-ленинской гносеологии в целом.

В. И. Ленин разработал фундаментальные положения марксистской теории познания, раскрыл природу и сущность ощущения как первого звена в системе отражения человеком окружающего мира. «...Ощущение, — писал В. И. Ленин, — есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром» [1, т. 18, с. 46], ибо «иначе, как через ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем» [Там же, с. 320]. Роль ощущений как средства, осуществляющего непосредственную связь нашего сознания с внешним миром, явилась, как известно, объектом борьбы материализма и агностицизма, где «ощущение принимается не за связь сознания с внешним миром, а за перегородку, стену, отделяющую сознание от внешнего мира» [Там же, с. 46].

Опровергая подобные взгляды, В. И. Ленин подчеркивал, что ощущения — не помеха для познания мира, а единственный источник наших знаний [Там же, с. 127]. Эта мысль Ленина играет огромную роль в обосновании теории познания вообще и теории отражения в особенности, в борьбе против махизма, кантианства и других разновидностей субъективного идеа-

лизма. В. И. Ленин дал определение ощущения, назвав его субъективным образом объективного мира [Там же, с. 120]. В этом определении в обобщенном виде дано понимание природы и сущности ощущения как формы отражения действительности, как источника, из которого вытекают все другие формы отражения, выступающие субъективными образами объективного мира. Субъективно-объективная природа ощущений переносится на все познавательные формы и на познание в целом. Это его сущность, природа. Иным познание быть не может.

Чтобы раскрыть содержание ленинского определения ощущения как субъективного образа объективного мира, необходимо выяснить, что в ощущении является субъективным и объективным и в каком смысле применимо к ощущению понятие «образ».

Общепризнанно, что субъективность — это форма существования познавательного образа, а объективность — соответствие отражаемым предметам тех сведений (знаний), которые заключены в образах этих предметов. Вся сложность этой проблемы заключается в том, как могут быть объективные знания в субъективной форме, какова природа существования этих знаний и почему они, будучи в субъективной форме, дают верную картину внешнего мира.

В философской литературе по этому вопросу имеются различные точки зрения. Одни авторы под субъективностью ощущений (как и других форм) понимают принадлежность их человеку (субъекту), обусловленность их свойствами нервной структуры анализаторов [5, с. 160]; другие, признавая субъективность показателем человеческой принадлежности, добавляют к этому такую особенность субъективного, как идеальность: «Коренная черта субъективного состоит в том, что оно является идеальным отражением действительности» [4, с. 192—193]; третьи под субъективностью понимают те черты образа, которые не совпадают с объективным содержанием [9, с. 152] и т. д.

На наш взгляд, необходимо отказаться от понимания субъективного как ошибочного, искажающего картину мира, как такого, что определяется субъектом по его воле и желанию вопреки объективной действительности. Такое отношение к явлениям обычно называют субъективным. В познании же функционирует субъективность гносеологическая, которая не зависит от произвола субъекта, а осуществляется спонтанно, закономерно, а следовательно, объективно по отношению к сознанию человека.

Рассматривая этот вопрос, нельзя пройти мимо проблемы так называемых «вторичных качеств» (или вторичных свойств) [11, с. 174]. Эта проблема возникла в философии задолго до марксистской философии и не сходит со страниц научных журналов и сегодня.

Разделение качеств на первичные и вторичные произошло не по прихоти Локка или других мыслителей, а вызвано было некоторым существенным различием в характере восприятия различных сторон действительности. Поэтому дело не в том, нужно ли делить качества на первичные и вторичные. В природе все качества и свойства объективны и не нуждаются в таком подразделении. Важно другое — выяснить, почему фигуры тел, пространственные величины (размеры тел, расстояния и т. д.) мы воспринимаем в формах, соответствующих им, а электромагнитные волны, например, механические колебания, химический состав веществ воспринимаем в форме ощущений света, цвета, звука, запаха, вкуса? Наукой доказано, что источником этих ощущений является не сам цвет, звук, запах (ибо таковых в природе нет), а определенные электромагнитные, механические колебания и химический состав веществ. Таким образом, не в самой природе существуют первичные и вторичные качества, а наши ощущения делятся на две группы по характеру отражения. Это деление производили И. М. Сеченов и Гельмгольц. Их идеи развил А. И. Емченко. Он выделяет два способа отражения объективной реальности: по подобию и в виде символов. К первой группе он относит форму, механическое движение, пространственные свойства. Ко второй — движение фотонов, химические движения [4, с. 188—189].

Причина различного восприятия внешних раздражителей органами чувств находится как в самой природе этих раздражителей, так и в особенностях строения органов чувств. В. И. Ленин, говоря, что ощущения вызываются воздействием на наши органы чувств материи, подчеркивал также, что «ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т. д., т. е. от определенным образом организованной материи» [1, т. 18, с. 50]. Эта мысль В. И. Ленина находит свое отражение во многих работах советских и зарубежных марксистов. Так, П. В. Копнин, например, пишет, что ощущения есть продукт «взаимодействия двух форм материи: раздражителя, находящегося вне органов чувств, и материи, организованной в виде нервной системы, анализаторов» [7, с. 160]. Продуктом взаимодействия двух материальных факторов являются не только ощущения, но и формы чувственного познания.

Чем же объясняется, что некоторые внешние раздражения отражаются органами чувств в таком виде, какой не присущ самим раздражителям? Некоторые авторы объясняли это так называемой специфической энергией органов чувств. Но такие взгляды сегодня опровергнуты наукой. Значит, главная причина не в органах чувств, а в объекте ощущения. Рассматривая взаимодействие двух материальных образований — раздражителя и органа чувств, мы должны первенство отдавать внешнему раздражителю, ибо не органы чувств формируют природу

раздражителя, а наоборот, последние сыграли определяющую роль в формировании органов чувств.

Истоки этого процесса уходят в далекое прошлое, когда формировались органы чувств, когда живым существам, чтобы выжить, необходимо было выработать способность ориентировки в окружающей среде соответственно своим биологическим потребностям. Животные должны были отражать окружающую среду так и в таком виде, в каком это давало им максимум возможностей ориентироваться в среде своего обитания, находить пищу, уходить от опасности, не обрекать себя на гибель. Поэтому органы чувств формировались для отражения тех сигналов, которые в наибольшей степени это обеспечивали. Но животному нужны были не сами по себе эти сигналы, а та информация, которую они несут. Поэтому не имело существенного значения для жизни животного, в каком виде (форме) эти сигналы ими отражались. Важно, чтобы эта форма отражения давала возможность различать внешние признаки отражаемых объектов. Предметы, которые были важны для ориентировки животного в пространстве, воспринимались в формах, соответствующих самой действительности (по подобию). Для отражения таких предметов самым подходящим было зрительное их восприятие (в виде изображения), ибо оно давало возможность почти мгновенно видеть предметы, их форму, размеры, расположение, удаленность и т. д. Но чтобы воспринимать изобразительно эти предметы, наиболее подходящим оказался диапазон электромагнитных волн от 380 до 780 миллимикрон. Это тот диапазон, который дает возможность в сложной системе материальных взаимодействий выделить предметы соотносительно с масштабом животного. Восприятие других диапазонов электромагнитных волн было бы огромной помехой в выделении макротел, необходимом для пространственного ориентирования, а поэтому в биологическом приспособлении восприятие их было исключено. Это не значит, что живые существа иных измерений не могут отражать другие участки электромагнитного спектра.

Таким образом, «приспособление организма к внешней среде и приспособление внешней среды для своих потребностей совершенно невозможно без объективного отражения местоположения предметов и их взаимных пространственных отношений» [4, с. 225]. Иначе говоря, отражение предметов, обеспечивающих ориентирование животного в пространстве, должно осуществляться по подобию. Но не все воздействия внешней среды отражались нашими предками по подобию, — значительную часть этих воздействий животные приспособились отражать в виде знаков, символов. Это связано с целесообразностью приспособлений, с экономией средств в борьбе за существование, а также с невозможностью принимать эти раздражители в изобразительной форме. Нельзя в изобразительной форме

воспринять химический состав веществ, как нельзя в этой форме воспринять электромагнитные волны как таковые. Но изобразительность по подобию многих раздражителей несколько не мешает животным, а наоборот, выступает преимуществом. Отсутствие сходства знака с обозначенным им явлением — это не недостаток знака, а его достоинство, позволяющее использовать его в качестве универсального средства в коммуникации [2]. Для того чтобы животному сообщить сигналы об опасности или наличии пищи, необязательно отражать саму опасность или пищу. Общность (универсальность) знака (сигнала) об опасности более целесообразна для животных, чем каждый раз конкретный образ опасности, ибо видов опасности множество, и каждый новый вид, выступающий в конкретном образе, не может предупредить животных, так как по отношению к нему у них еще не выработались защитные рефлексy, тогда как сигнал об опасности или пище, — общий для всех, постоянный, передающийся по наследству.

Человек позаимствовал от своих предков и органы чувств, и два вида отражения ими внешних раздражителей. Но если животным не нужно знать, что находится за ощущениями, так как ему вполне достаточно изобразительных восприятий и знаковых (сигнальных) ощущений, то человеку этого мало. Он нуждается в познании мира, а поэтому должен выйти за пределы ощущений, ибо сами по себе ощущения не есть еще знание, они — только источник познания.

Выход за пределы ощущений — один из самых сложных процессов в познании, одна из сложнейших гносеологических проблем, решение которой явилось гносеологическим корнем субъективного идеализма и агностицизма. В. И. Ленин писал, что, «исходя из ощущений, можно идти по линии субъективизма, приводящей к солипсизму («тела суть комплексы или комбинации ощущений»), и можно идти по линии объективизма, приводящей к материализму (ощущения суть образы тел, внешнего мира) [1, т. 18, с. 128].

Однако выйти за пределы ощущений можно только через эти же ощущения, ибо наш мозг непосредственной связи с миром не имеет и не может иметь потому, что это разрушило бы его. «Мысленные изображения возникают не иначе, как из ощущений» [Там же, с. 34]. Поэтому так важно, что же дают нам ощущения для познания мира? Что является объективным в наших ощущениях? По этому вопросу имеются различные точки зрения, начиная от признания полного совпадения ощущения с объектом (копии действительности) и кончая утверждением об отсутствии адекватности между ощущением и отражением [8; 7; 4]. Каждая из этих точек зрения отражает те или иные моменты, стороны нашего познания. Объективные моменты, т. е. сведения, соответствующие самой действительности, имеются и в ощущениях, в которых отражаются явления

по подобию, и в тех, которые выступают знаками (символами). Если в первом случае это само собой разумеется, так как отражение по подобию является адекватным самой действительности, то по вопросу знакового отражения в литературе нет единства во взглядах. Некоторые исследователи считают, что каждое в отдельности знаковое ощущение (например, цвета) не является адекватным отраженной реальности, а в совокупности многие ощущения дают определенное сходство с отображаемым объектом [3; 4]. Несколько иной точки зрения придерживаются Ф. И. Гергиева и А. М. Коршунов. Так, они пишут, что, «если отдельные знаки не обладают сходством с обозначаемым, то изоформизм присущ знаковым системам» [2, с. 96]. Однако через две страницы они говорят о том, что «никакая комбинация знаковых элементов не может дать гносеологического образа, способного адекватно отразить действительность» [Там же, с. 59], а в конце этой страницы читаем: «Даже в случае искаженного отражения мы имеем дело не со знаком, а с образом, только с образом, носящим неадекватный характер» [Там же].

Мысль о существовании неадекватных образов нам импонирует. Однако, если признается существование таких образов, то зачем бояться знаков, ведь их совокупность и дает нам неадекватный образ. Человек воспринимает мир органами чувств в другом ключе, чем сама эта действительность, но в нем правильно отражены в первую очередь количественные соотношения. Одни из них — в восприятиях размеров тел, их форм и объемов, расстояний, т. е. они отражены по подобию. Другие — количественные соотношения электромагнитных и механических колебаний, насыщенность химических веществ и т. д. — отражены в ощущениях как различные цвета, звуки и их интенсивность, т. е. в знаковой системе. За этими чувственными градациями скрываются определенные соотношения между предметами и явлениями, между элементами в самих предметах. Если отдельное ощущение неадекватно раздражителю, то система ощущений является адекватной в том плане, что она отражает определенные количественные соотношения. Но эта адекватность неполная, односторонняя. Поэтому такой образ не является полным снимком действительности, а скорее моделью некоторой стороны этой действительности. Выступать против признания знакового отражения некоторых раздражителей лишь на том основании, что знаком можно обозначить и реально не существующий, мнимый предмет, нет достаточного основания, ибо ощущения — это не произвол ощущающего, а природный процесс, сформировавшийся в процессе длительного приспособления к условиям существования. Обозначить знаком несуществующий предмет может только человек на фазе логического мышления. Но это

уже не те знаки, которыми закодированы отношения действительности в форме чувственных впечатлов.

А. И. Емченко считает, что и каждое отдельное ощущение имеет объективное содержание, которым является «интенсивность ощущения, а в осязательно-двигательном, зрительном, вестибулярном и звуковом анализаторах — также пространственные отношения предметов и явлений и их временные характеристики» [4, с. 193]. Однако, ввиду того, что многие ощущения не являются подобием действительности, то на основании одного такого ощущения невозможно раскрыть как природу раздражителя, так и отдельные из его сторон. Только в совокупности ощущения выражают определенные связи и отношения, которые раскрываются мышлением в процессе практической деятельности человека.

Таким образом, ощущение как источник наших знаний является отражением объективной реальности в таких видах и формах, которые позволяют обнаружить те связи и отношения, какие имеются в объективной действительности, а поэтому так или иначе выступают в конечном итоге чувственными образами внешнего мира. Отрицать образный характер отражения мира органами чувств — значит отрицать возможность выявить то, что находится за этими ощущениями в самой действительности.

В. И. Ленин, ведя борьбу против агностицизма, подчеркивал именно образный характер наших ощущений. Определяя ощущения как форму отражения действительности, он подчеркивал вторичность ощущения по отношению к объективному миру. Эти положения В. И. Ленина являются принципиальными, они выполняют роль методологической установки при исследовании процесса отражения человеком объективной реальности и служат идейным оружием в борьбе против агностицизма и субъективно-го идеализма.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Георгиев Ф. И., Коршунов А. М. Гносеологический образ и современная наука. — Вестн. Моск. ун-та, 1967, № 5. 3. Георгиев Ф. И., Дубовский В. И., Коршунов А. М., Михайлова И. Б. Чувственное познание. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. — 190 с. 4. Емченко А. И. Физиология анализаторов и учение диалектического материализма о чувственном познании. — К.: Изд-во Киев. ун-та, 1972. — 145 с. 5. Киселинцев И. Марксистско-ленинская теория отражения и учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности. — М.: Изд-во иностр. лит., 1956. — 205 с. 6. Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию. — К.: Наук. думка, 1966. — 170 с. 7. Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. — М.: Мысль, 1974. — 190 с. 8. Медведев П. В. Теория отражения и ее естественнонаучное обоснование. — М.: Соцэкгиз, 1963. — 140 с. 9. Орлов В. В. Особенности чувственного познания. — Пермь, 1962. — 136 с. 10. Пресняков П., Кантемиров Д. Теория познания диалектического материализма и учение о первичных и вторичных качествах. — Алма-Ата: Казгосиздат, 1959. — 162 с. 11. Петров Сава. О вторичных свойствах. — Филос. науки, 1969, № 2.

Поступила в редколлегию 31.03.82.

**ПРОБЛЕМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И САМОСОЗНАНИЯ
В КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ**

Одной из заслуг немецкой классической философии как теоретического источника марксизма является постановка ряда важнейших проблем, с решением которых органически связано формирование диалектического и исторического материализма. К их числу принадлежит проблема деятельности и самосознания, разработке которой уделяли значительное внимание Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель.

Обращение классиков немецкого идеализма к этой проблеме не случайно. Оно явилось в конечном счете отражением антифеодальных настроений в Германии, той идейно-политической обстановки, которая предшествовала буржуазной революции в стране. Именно это побуждало немецких идеологов к развитию идей, связанных с изучением практики, деятельности, активности человека, к осмыслению его как субъекта, автономного и свободного существа. Одако выразителями этих идей в Германии конца XVIII — начала XIX вв. оказались именно идеалисты.

Причина этого парадоксального явления объясняется, с одной стороны, политической незрелостью немецкой буржуазии, ее практической неспособностью к решительным революционным действиям, а с другой — метафизичностью и созерцательностью домарковского материализма, который был не в состоянии понять действительное содержание практической деятельности. И тем не менее именно идеализм (добавим, диалектический) поставил ряд важнейших для понимания как самой деятельности, так и связанных с ней вопросов. Вот почему всесторонняя разработка проблемы самосознания и деятельности, в частности самодеятельности, требует обращения к теоретическому наследию классической немецкой философии.

Остановимся на проблеме человеческой деятельности и особенностях ее постановки в немецкой классической философии.

Как известно, эти вопросы привлекали внимание уже античных мыслителей (Сократ, Аристотель и др.). Однако до немецких философов анализ человеческой деятельности носил односторонний характер, поскольку исследовалась преимущественно теоретическая (познавательная) деятельность, а другие ее формы (например, практика) в лучшем случае только упоминались. Немецкая классическая философия (от Канта до Фейербаха) отходит от этой традиции и подвергает систематическому анализу почти все виды человеческой деятельности, в частности практику и искусство. Одной из ведущих тем у классиков немецкой философии становится «взаимная связь форм деятельности», а выдвинутое Аристотелем разграничение теоретического и прак-

тического разума превращается в «систематическую теорию» [4, с. 196].

Немецкие философы пытаются прежде всего решить вопрос о соотношении теоретической и практической человеческой деятельности. Они формулируют эту проблему как соотношение «теоретического» и «практического» разума. Следовательно, перед нами чисто идеалистическая постановка проблемы. Однако в ее решении содержатся рациональные моменты. Если предшественники немецких философов ставили теоретический разум выше практического, то классики немецкой философии исходят из подчинения теории практике, теоретического — практическому.

Так, И. Кант пишет: «Всякий интерес в конце концов есть практический, и даже интерес спекулятивного разума обусловлен и приобретает полный смысл только в практическом применении» [7, т. 4, с. 454]. Еще определеннее высказывает эту мысль И. Г. Фихте: «Мы не потому действуем, что познаем, а познаем потому, что предназначены действовать; практический разум есть корень всякого разума» [10, с. 141]. Наконец, у Гегеля практическое также выше теоретического. Практическая идея, — пишет он, — «выше, чем идея... познания, ибо первая имеет достоинство не только всеобщего, но и просто действительного» [6, т. 6, с. 290].

Таким образом, немецкие идеалисты провозглашают в целом верную мысль о том, что теория не может быть самоцелью человеческой деятельности, что теоретическое развитие зависит от потребностей практики. Но что при этом понимается под практикой?

Практика в понимании немецкого идеализма не материальная, чувственно-предметная деятельность людей, содержанием которой является преобразование природы и общества, а духовная деятельность субъекта. Для Канта и Фихте, например, практика — это «практический разум», тождественный моральной деятельности, для Шеллинга — художественное творчество, для Гегеля — деятельность «практической идеи», «идеи блага», «добра».

Не менее односторонне понимал практику и последний великий представитель немецкой классической философии Л. Фейербах. Он исходил из созерцательного отношения к природе, из понимания человека как абстрактного, чисто биологического существа. Поэтому Маркс говорит, что Фейербах хочет иметь дело с чувственными объектами, действительно отличными от мысленных объектов, но самую человеческую деятельность он берет не как *предметную* деятельность. Он рассматривает как истинно человеческую только теоретическую деятельность.

Итак, немецкой классической философии от Канта до Фейербаха присуще абстрактно-узкое, ограниченное понимание практики, проявляющееся в недооценке роли чувственной, предмет-

но-преобразовательной деятельности и абсолютизации деятельности духовной. С чем же связано это обстоятельство?

Прежде всего с характером самого труда в условиях антагонистического общества, основанного на разделении труда и господстве частной собственности, где труд человека (особенно физический) носит отчужденный характер, что не дает возможности рассматривать его как сущность человека.

Вместе с тем нельзя не учитывать неразвитость и незрелость материального производства и общественной практики той исторической эпохи. Разве могли, писал А. В. Луначарский в этой связи, Гегель, его современники и последователи «считать преобразующей мир деятельностью физический труд? Технику? Нет. Все это было еще крайне неразвито, все это казалось еще скромненьким подвальным этажом здания культуры. Так же и деятельность политического борца после печальной судьбы Французской революции и при мертвенности общественной жизни Германии не внушала никакого доверия.

Люди кабинета и кафедры, люди гениального и чудовищно развитого абстрактного интеллекта, люди слова — вот кто были сами вожди тогдашнего передового класса... Их обычная среда, их обычный труд, обычное орудие их труда — раздувались в их глазах, оставались центром мира, определителем, даже создателем его » [9, с. 116].

Итак, особенностью истолкования проблемы деятельности классиками немецкого идеализма является не только то, что деятельность как таковая сводится ими к духовной (теоретической) деятельности, но и то, что последняя трактуется как творческая самодеятельность субъекта. Покажем это подробнее, обратившись к философии Канта.

Как известно, Кант первым среди немецких философов поставил вопрос о познании как процессе активного взаимодействия субъекта с объектом и на этой основе попытался преодолеть созерцательность домарксовского материализма. Он рассматривал действительность не только как предмет созерцания, но и как предмет деятельности мыслящего субъекта. «Мы ничего не можем представить себе связанным в объекте, — пишет Кант, — чего прежде не связали сами; среди всех представлений *связь* есть единственное, которое не дается объектом, а может быть создано только самим субъектом, ибо оно есть акт его самодеятельности» [7, т. 3, с. 190]. Таким образом, Кант весьма своеобразно трактует проблему объекта. Говоря о своем понимании объекта, он специально подчеркивает: «Объект есть то, в понятии чего *объединено* многообразное, охватываемое данным созерцанием» [7, т. 3, с. 195]. Из этого следует прежде всего то, что реально процесс познания начинается только тогда, когда свойства реального объекта посредством чувств проникают в сознание субъекта, превращаются в специфический, «гносеоло-

гический» объект, который наряду со свойствами реального объекта наделяется качествами субъекта. Здесь мы сталкиваемся с тем, что Кант называет трансцендентальным единством апперцепций, формой выражения которого является формула «Я мыслю». По Канту, принцип «Я мыслю» заложен в субъект до реального процесса мышления, процесс самосознания оказывается первичным по отношению к процессу накопления знаний субъектом.

В. И. Ленин в «Философских тетрадах» замечает, что относительно понимания содержания формулы «Я мыслю» у Канта и Юма очень много общего. Кант «просто следовал юмовой скептической манере, а именно, твердо стоял на том, каким является Я в самосознании, отбрасывая из него, — так как надлежало познать его как сущность, как вещь в себе, — все эмпирическое; таким образом, не оставалось ничего, кроме этого явления: «Я мыслю, — которое сопровождает все представления и о котором мы не имеем ни малейшего понятия» [3, т. 29, с. 187].

Следовательно, по Ленину, границы, налагаемые кантовской философией на познание внешних объектов, оказываются действительными и для самопознания субъекта. «Мы созерцаем себя самих лишь постольку, поскольку мы сами воздействуем на себя изнутри, осознание самого себя еще не есть познание самого себя» [7, т. 3, с. 208—209]. Чувство, даже будучи внутренним чувством, по мнению Канта, так же взаимодействует с рассудком и разумом, как и ощущения, доставляемые от внешних объектов, посему и человеческое Я оказывается «вещью в себе».

Таким образом, идеалистическое истолкование практики, преувеличение Кантом деятельной стороны приводит к тому, что объект познания превращается им в конечном счете в продукт творчества субъекта. Сам субъект трактуется как деятельность и самодеятельность, а самосознание рассматривается как трансцендентное восприятие Я.

В еще большей мере понимание деятельности как самодеятельности субъекта характерно для философии субъективного идеалиста Фихте. Он пытается устранить разрыв теории и практики с помощью «устранения» кантовской «вещи в себе» путем превращения субъекта в абсолютный источник сущего. В этой связи исходным моментом его философии выступает понятие абсолютного Я. По Фихте, это абсолютный субъект, абсолютное Я — действие, сверхиндивидуальное Я, активно действующее и содержащее в себе собственную противоположность — «не — Я». Фихте с самого начала наделяет свой абсолютный субъект бесконечной активной деятельностью. Последнее проявляется в том, что, полагая самого себя, Я — действие полагает одновременно и «не — Я». Я и «не — Я» вступают в определенное взаимодействие, то есть двояко соотносятся: Я определяет «не — Я» (практическое), «не — Я» определяет Я (теоретиче-

ское). В результате таких взаимодействий Я — действие оказывается весьма своеобразной субстанцией, которая через свою собственную противоположность сама себя определяет. Чем же является эта субстанция в действительности?

Фихтевское абсолютное Я — это не индивидуальное Я, но и не субстанция вроде субстанции Спинозы, а самосознание человечества в полном объеме его исторического развития, выступающее в конечном счете как нравственная деятельность сознания. Он связывает разум, в отличие от просветителей, не с природой, а со сферой свободы, делая верховным принципом своего учения не бытие, но деятельность [5, с. 5]. «Не для праздного самосозерцания и размышления над самим собою и не для самосулаждения своими благочестивыми чувствами, — нет, для деятельности существуешь ты, — писал Фихте о человеческом предназначении, — твое действование и только оно одно определяет твою ценность...» [10, с. 72]. Но все дело в том, что Фихте здесь имеет в виду не реального человека, а некое «абсолютное Я». Поэтому его высказывание о человеческой активности повисает в воздухе, так как его «действование» — всего лишь активность сознания, мышления, а не реальной практической деятельности людей.

Как видим, Фихте абсолютизирует идеальную активность субъекта. Он отождествляет субъект с сознанием, а объект — со всей действительностью. Идеальное, познавательное взаимодействие субъекта и объекта превращается им в единственное, поскольку постижение объекта Фихте принимает за его создание. Вот почему субъективистская трактовка деятельности привела философа в конечном счете к постулированию тождества мышления и бытия, субъекта и объекта, а значит, и сведению человеческой деятельности к деятельности абсолютного Я. Однако попытка постигнуть все сущее как продукт деятельности была положительным моментом в его философии.

Определенным шагом вперед в плане развертывания идеалистической концепции «деятельной стороны» явилась философия Шеллинга, идеи которого в известном смысле выступают промежуточным звеном между Фихте и Гегелем. Шеллинг, подвергнув критике исходный тезис философии Фихте — понятие абсолютного самосознания, и противопоставив субъективному идеализму последнего свою объективно-идеалистическую систему о первичности бессознательного духа, о его бесконечности, создал своеобразную романтическую философию искусства, теорию художественного творчества, которая универсализирует и распространяет на все целое мира этот специфический созидательный процесс [8, с. 17]. Художественное творчество характеризуется Шеллингом, с одной стороны, как высшая форма деятельности человека, а с другой — как субстанциальная основа всего совершающегося в мире. Вот почему последнее трактуется им как диалектическое единство сознательного и бессозна-

тельного — двух фундаментальных, взаимоисключающих, но вместе с тем обуславливающих друг друга состояний духа. Шеллинг исходит из абсолютного единства субъекта и объекта и в этой связи развивает идеалистический принцип абсолютного тождества бытия и мышления, материи и духа. Однако это абсолютное тождество не является чем-то средним между материей и духом, а представляет собой лишь особое, бессознательное состояние некоего мирового духа, из которого Шеллинг пытается вывести все проявления мира.

Шеллинг допускает, что, несмотря на отсутствие в изначальном абсолютном тождестве каких-либо различий, оно отличается бессознательным хотением и действием. Это абсолютное тождество отличает себя от самого себя. Вследствие этой неосознанной, слепой деятельности возникает и развивается природа, а развитие последней от одной ступени к другой, более высокой, означает постепенное превращение бессознательного в сознательное. Таким образом, процесс развития природы Шеллинг изображает как диалектическое саморазвитие мирового духа. Идея развития природы им мистифицируется, однако, по сравнению с Кантом и Фихте, делается определенный шаг вперед: все то, что у этих мыслителей было продуктом деятельности человеческого Я, у Шеллинга оказывается результатом развития природы, хотя и понимаемой идеалистически как проявление состояний духа.

Характеризуя эти состояния, Шеллинг связывает их с мыслью о самосознании Абсолюта: самораздвоение единого тождественного начала имеет целью самосознание единого. В свою очередь, самосознание разума есть самосознание бога, ибо бог, по Шеллингу, и есть разум, причем его самосознание предполагает существование человека: как самосознающий разум бог может открыться только в человеческом сознании природы, мира. Вот почему система тождества сознательного и бессознательного, разработанная Шеллингом, является переходной ступенью от субъективного идеализма Фихте к абсолютному идеализму Гегеля, внесшего наибольший вклад в разработку концепции «деятельной стороны».

В основе гегелевской концепции лежит обобщение исторического процесса, догадка о решающей роли труда в становлении человеческого общества. Развивая эту концепцию, Гегель отвергает исходное положение Шеллинга о первичности бессознательного духа и его бесконечности и на место диалектики сознательного и бессознательного ставит принцип диалектического тождества бытия и мышления. При этом мышление, по Гегелю, есть и субъект и объект, и Я и «не — Я», в результате чего логический процесс приобретает универсальный характер. Познание, познающее мышление онтологизируются, наука рассматривается не как специфическая человеческая деятельность, а как «абсолютная идея», субстанция, ставшая субъектом, сущ-

ностью и движущей силой всего существующего. В этой связи «...Гегель, — писал Маркс, — на место действительной связи между человеком и природой ставит абсолютный субъект-объект, представляющий собой зараз всю природу и все человечество, — *абсолютный дух*» [2, т. 2, с. 184].

Причиной такого подхода является то, что Гегель берет человеческую активность в ее отчужденной форме и ставит ее вне человека и над ним. Поэтому у него не реальный человек постигает истину-процесс, а сама субъективная субстанция и есть истина-процесс. Гегель отводит человеку роль средства в руках Абсолюта. Он является всего лишь реальностью идеи, с помощью которой субстанция созерцает самоё себя.

Таким образом, действительное, предметно-действенное отношение человека к миру Гегель мистифицирует, сводя его к чисто теоретической активности субъекта, он «знает и признает только один вид труда, именно *абстрактно-духовный труд*» [1, с. 627]. Поэтому идеалистическим оказывается не только его учение о деятельности, но и учение о самосознании. Это проявляется прежде всего в абсолютизации самосознания. В философской системе Гегеля категория самосознания занимает одно из центральных мест. В самосознании Гегель видит «чистое для себя бытие», ступень саморазвития мистической «абсолютной идеи» («сознание — самосознание — абсолютный субъект») [6, т. 4, с. 99]. В этой связи данная категория находится на различных уровнях движения: 1) самосознание как сущность человека; 2) самосознание как всеобщая родовая сущность; 3) самосознание — абсолютное самосознание (субъект есть бог, абсолютный дух, знающая себя и осуществляющая себя идея). Далее Гегель сводит сознание к самосознанию. «Истина сознания, — пишет он, — есть самосознание, и это последнее есть основание сознания...» [6, т. 3, с. 233]. Объявив сознание сущностью человека, Гегель идет дальше, отождествляя человека с его сознанием, а сознание с самосознанием.

Как видим, для Гегеля субъект есть сознание, а значит, и большинство своих проблем он разрешает не в активно-практической деятельности, а в рамках гносеологического взаимодействия. Говоря в этой связи о проблеме отчуждения в философии Гегеля, К. Маркс подчеркивал: «Человеческая сущность, человек для Гегеля равнозначен самосознанию. Поэтому всякое отчуждение человеческой сущности для него — не что иное, как отчуждение самосознания» [1, с. 628].

Причины данного явления коренятся в том, что Гегель, будучи идеалистом, некритически отождествляет опредмечивание с отчуждением, в результате чего всякое опредмечивание он рассматривает как отчуждение, а распредемечивание — как снятие отчуждения. Вместе с тем в категории отчуждения Гегель в извращенной форме схватывает характер производственных отношений современного ему буржуазного общества, в котором тру-

довая деятельность людей носит отчужденный характер. Для Гегеля единственным видом труда выступают умственный труд, деятельность сознания, наука, искусство. Только в творческом или художественном процессе, по Гегелю, достигается подлинное единство теории и практики.

Итак, обращение к теоретическому наследию немецкой классической философии показывает, что ее представители в лице Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля дают идеалистическое истолкование как проблемы человеческой деятельности, так и проблемы самосознания. Последнее обнаруживается в том, что в качестве подлинной деятельности немецкие философы берут духовную (теоретическую) деятельность человека, сущность которой усматривается ими в творческой самодеятельности субъекта, понимаемого как *Я*, как самосознание. В этом плане немецкая классическая философия не сумела дать положительного решения поставленной ею проблемы, но она подготовила почву для последующего ее решения марксистской философией.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М.: Госполитиздат, 1956. 2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 4. Булатов М. А. Ленинский анализ немецкой классической философии/Логико-диалектические и историко-философские проблемы. — К.: Наук. думка, 1974. — 271 с. 5. Гайденко П. П. Философия Фихте и современность. — М.: Мысль, 1979. — 288 с. 6. Гегель. Сочинения: В 14-ти т. — М.: Изд-во АН СССР, 1929—1958. 7. Кант И. Сочинения: В 6-ти т. — М.: Мысль, 1963—1966. 8. История диалектики/Немецкая классическая философия. — М.: Мысль, 1978. — 363 с. 9. Луначарский А. В. Гегель и современность. — *Вопр. философии*, 1982, № 1, с. 113—124. 10. Фихте И. Г. Назначение человека. — СПб, 1905. 11. Шинкарук В. И. Проблемы диалектики в философии Канта. — В кн.: Критические очерки по философии Канта. К.: Наук. думка, 1975, с. 29—49.

Поступила в редакцию 25.03.82.

А. В. ТЯГЛО, И. З. ЦЕХМИСТРО, д-р филос. наук

К КРИТИКЕ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ДЕСКРИПЦИИ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Традиционное описание пространственно-временных отношений основано на модели континуума, интегрируемого из бесконечно большого числа непротяженных моментов. Классическое обоснование эта точка зрения нашла в построениях теории множеств Г. Кантора [4; 5, с. 47—60]. Однако в свете новейших достижений науки (математики, квантовой физики и др.) континуальное представление пространства—времени оказывается все более ограниченным. Возникающие в этой связи проблемы выходят за рамки собственно естественнонаучных и требуют углубленного философского изучения. Решение вопроса о структуре

этого понятия является аргументом в споре материалистической «линии Демокрита» и идеалистической «линии Плагона». Убедительное тому доказательство — ленинский анализ проблем пространства и времени в контексте исследования революции в физике конца XIX — начала XX вв. [1, т. 18, с. 181—184, 191—193]. Актуальной задачей диалектического материализма остается рассмотрение того нового, что вносит сегодня развитие естествознания в понимание временных отношений. Обратимся к изучению конкретных проблем.

Если подвергнуть чисто логическому анализу соотношение понятий «момент времени» (МВ) и «интервал времени» (ИВ) вне сопоставления с эмпирическими фактами и без учета новейших достижений в области математики, то, на первый взгляд, может показаться невозможным предпочтение одного из этих понятий. Именно такой точки зрения придерживается английский философ Ф. Л. Квинн [7]. Однако в свете операциональной природы понятий пространства и времени реальный смысл имеют лишь некоторые интервалы, а моменты времени, точки пространства суть идеализация, вводимая с помощью мысленного перехода и лишенная непосредственной физической определенности. В физике, подчеркивал Н. Н. Лузин, функции области вводятся первоначально и лишь идеальным процессом — функции точки [3, с. 15].

Таким образом, возникает критическая ситуация. В эмпирическом же и операциональном планах понятие интервала времени несомненно первично по сравнению с понятием момента времени. В логическом отношении они предполагаются равноправными (симметричными, взаимопределяемыми). Такое положение, на наш взгляд, нетерпимо. В целях устранения выясненного затруднения обратимся к детальному анализу аргументов Ф. Л. Квинна, все рассуждения которого базируются на исходном фундаментальном предположении относительно структуры временного континуума: «...Логически возможно, что время имеет структуру, изоморфную линии, упорядоченной соотношением «х меньше у». Это значит, что все моменты времени — открытые состояния и составляют континуум. Более того, можно предположить логическую возможность того, что моменты времени, каждый из которых представляет собой вырожденный интервал, являются непротяженными и что все невырожденные интервалы конечных или бесконечных размеров являются состояниями континуума, членами которого есть описанные моменты» [7, р. 2]. Ф. Квинн предполагает возможность представления континуума в виде совокупности отдельных моментов, точек. На этой основе он фактически постулирует взаимопределяемость, симметричность понятий МВ и ИВ. Действительно, если, с одной стороны, моменты времени представляют собой вырожденные (непротяженные) интервалы, то, с другой стороны, интервал (континуум) есть совокупность, множество моментов вре-

мени. С этими выводами трудно согласится, так как представление о континууме как о множестве элементов (точек, моментов) определенной трансфинитной мощности логически недоказуемо.

Мощность континуума, если мыслить его как множество точек, должна иметь вполне определенное место на шкале алефов. В предположении того, что эта мощность является первой, следующей за счетной, состояла знаменитая континуум-гипотеза в основаниях математики [2, с. 20; 5, с. 56, 60]. Однако полученное в 1964 г. П. Коэном решение континуум-проблемы вскрывает ложность представлений о континууме как некотором множестве точек. Континууму можно произвольно приписать любую трансфинитную мощность без каких-либо ограничений. Этот факт доказывает, что континуум вообще не есть множество. Континуум-гипотеза оказалась, таким образом, первым примером абсолютно неразрешимого математического предположения, что и позволило П. Коэну назвать ее ложной, «не имеющей внутреннего смысла» [2, с. 173].

В свете сказанного становится ясным, что не только в операциональном и эмпирическом, но и в логическом плане разложение временного континуума (или длящегося во времени процесса) на отдельные точечные состояния (моменты) имеет весьма ограниченную правомерность. Это чрезвычайно сильная идеализация, порожденная потребностями развития классической науки и абсолютизированная в рамках метафизического стиля мышления. Следовательно, понятие ИВ является несомненно выделенным по отношению к МВ и в логическом плане.

Приведенные выше соображения доказывают ограниченность традиционной модели точечного (временного) континуума. Однако являются ли полученные выводы общезначимыми? Для конструктивного ответа на поставленный вопрос необходимо выявить соответствие этих выводов и данных других сфер познания. Рассмотрим одну из характерных проблем современной квантовой теории.

Парадокс Зенона в квантовой теории был сформулирован Б. Мизрой и Е. Сударшаном в 1976 г. и неоднократно обсуждался на страницах физических журналов США [8; 9]. Простейшее его описание можно свести к следующему.

Если Φ — начальное состояние нестабильной частицы, то через время t ее состояние будет описываться как $\exp(-iHt)\Phi$ (при этом гамильтониан частицы H предполагается не зависящим явно от времени; используются релятивистские единицы, в которых $\hbar = c = 1$). В этом случае вероятность «выживания» исходной частицы (при малом t) будет $|\Phi, \exp(-iHt)\Phi|^2 \approx 1 - (\Delta H)^2 t^2 + \dots$. Это значит, что если измерение проводить через малый отрезок времени t , то вероятность получения положительного результата (т. е. обнаружения нераспавшейся частицы) равна $1 - (\Delta H)^2 t^2$. Но если за такое же время измерение выпол-

нить n раз с длительностью каждого акта t/n , то появится вероятность: $(1 - (\Delta H)^2 (t/n)^2)^n > 1 - (\Delta H)^2 t^2$ для всех результатов быть положительными. Фактически левая часть этого неравенства стремится к 1 при $n \rightarrow \infty$. Это значит, что нестабильная частица никогда не будет распавшейся. Поскольку сказанное напоминает известный парадокс об отрицании возможности движения летящей стрелы, то Б. Мизра и Е. Сударшан сочли уместным назвать полученный результат парадоксом Зенона в квантовой теории [8, с. 757].

В основе описанного парадокса лежит допущение о возможности непрерывного наблюдения (измерения). При этом «мы можем представить процесс непрерывного наблюдения, — полагают Б. Мизра и Е. Сударшан, — как предельный случай ряда (практически) мгновенных измерений... так что интервалы между последовательными наблюдениями приближаются к нулю. Поскольку не существует принципов квантовой теории, которые бы запрещали сделать длительность единичного измерения или «мертвого времени» между последовательными измерениями сколь угодно малым, то процесс непрерывного наблюдения приемлем в квантовой теории» [Там же, с. 756]. Из сказанного следует, что эти авторы допускают возможность неограниченного деления временного континуума, утверждают операциональную определенность произвольно малых временных интервалов вплоть до точечных мгновений. Все это вполне согласуется с традиционной дескрипцией временных отношений, основанной на классической модели континуума. Более того, как полагают авторы, такое описание согласуется и с принципами квантовой теории. Однако так ли это? На наш взгляд, существуют важные аргументы против точки зрения Мизры — Сударшана и др.

Согласно четвертому соотношению определенностей энергия взаимодействия между прибором и объектом наблюдения может быть в принципе учтена лишь с точностью $\Delta E \sim 1/\Delta t$. В предельном случае мгновенного измерения ($\Delta t \rightarrow 0$) возникающий энергетический обмен становится полностью неопределенным, т. е. $\Delta E \rightarrow \infty$ [6, с. 290]. Это значит, что энергия наблюдаемой частицы также может достигать сколь угодно больших значений, в том числе и больших $2m_0$ (здесь m_0 — масса покоя исследуемой частицы). Но тогда появляется возможность множественного рождения частиц, подобных исходной, за счет возбуждения вакуума. Следовательно, рассмотрение одной отдельной частицы утрачивает свою правомерность [Там же, с. 111—115, 332]. Отсюда вытекает, что процесс наблюдения определенной частицы возможен при длительности единичного измерения не менее $\Delta t_0 = 1/2 m_0$. Поэтому допущение непрерывного наблюдения противоречит квантовой теории. Учет этого факта лежит в основе разрешения парадокса Зенона в квантовой теории, поскольку в таком случае вероятность «выживания» исходной частицы за некоторое время t всегда меньше единицы $\lim (1 -$

— $(\Delta N)^2 (t/n)^2 \ll 1$, $n \rightarrow [t/\Delta t_0]$. Иными словами, классическая дескрипция порождает непреодолимые трудности теперь уже в описании квантовомеханических явлений. Разрешение таковых лежит на пути ограничения правомерности традиционной точечной модели континуума, в частности посредством учета соотношения неопределенностей для энергии — времени.

Факт невозможности исчерпывающего и однозначного описания континуума как множества непротяженных элементов, иллюстрируемый изложенным выше анализом двух специальных проблем, ведет к признанию в нем свойств нетривиальной целостности, которую следует понимать как полное отрицание и исключение самого состояния множественности. Неклассический континуум не исчерпывается любыми системами множеств и неразложим на них. Поэтому для адекватного отражения его структуры необходимо выйти за пределы понятий «момент времени», «точка» — «множество точек» и обратиться к более совершенным концептуальным средствам, в частности к диалектике категорий «единое — многое», «часть — целое» [5].

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Козн П. Дж. Об основаниях теории множеств. — Успехи математических наук, 1975, 29, вып. 5(179). 3. Лузин Н. Н. Современное состояние теории функций действительного переменного. — М.; Л.: ГТТИ, 1933. 4. Панченко А. И. Континуум и физика. — М.: Наука, 1975. — 118 с. 5. Цехмистро И. З., Бобкова Н. П. Диалектика множественного и единого и континуум. — Вища школа: Изд-во при Харьк. ун-те, 1977. — 133 с. 6. Физика микромира. Маленькая энциклопедия. — М.: Сов. энциклопедия, 1980. — 528 с. 7. Quinn Ph. L. Existence throughout an interval of time and existence at an instant of time. — Ratio, Oxford, vol. 1979, 21, № 1, p. 1—12. 8. Misra B., Sudarshan E. C. I. The Zeno's paradox in quantum theory. — Journ. Math. Phys., 1977, vol. 18, № 4, p. 756—763. 9. Asher Peres. Zeno paradox in quantum theory. — Amer. Journ. Phys., 1980, 48, № 11, p. 931—932.

Поступила в редколлегию 23.02.82.

В. В. БУКРЕЕВ, В. В. ШКОДА

ПОЗИТИВИЗМ И ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

В современной философии науки на смену неопозитивизму пришла так называемая историческая школа, претендующая на то, чтобы научное познание рассматривать как развивающийся процесс. Обычно с позитивизмом в методологии науки связывают такой подход, при котором анализу подвергаются ставшее знание, результаты научно-познавательной деятельности. Если принять такое понимание, то надо будет признать, что переход к рассмотрению движения знания сам по себе означает преодоление позитивизма. В настоящей статье сделана попытка показать, что в рамках позитивизма существовали концепции развития познания. Позитивистский характер этим концепциям при-

давало то обстоятельство, что опирались они не на принцип историзма, а исключительно на дарвиновскую теорию эволюции, что научное познание рассматривалось как разновидность механизма адаптации живых организмов к среде, а не как социально-исторический процесс.

К. А. Тимирязев, оценивая значение теории эволюции, подчеркивал, что дарвинизм «повернул головы естествоиспытателей к новому, историческому мышлению... Мир стал изучаться в его движении, и это повело к изумительным новым открытиям во всех отраслях знания» [7, с. 10]. Обнаружение того, что не только дух, но и материальный мир имеет историю, было важным методологическим открытием. Дарвин, указывает Ф. Энгельс, «нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу» [1, т. 19, с. 205]. Его открытие ориентировало естествоиспытателей на исследование динамики материальных систем в широком (немеханическом понимании). Высокая оценка теории Дарвина классиками марксизма общеизвестна. Однако влияние дарвинизма на философов, тяготеющих к естественнонаучным реалиям при рассмотрении общеполитических проблем, оказалось весьма своеобразным. Для них дарвинизм не стал ни стимулом к применению диалектического метода, ни примером, подтверждающим истинность и методологическую значимость диалектической картины мира. Они увидели в теории Дарвина готовую схему мышления, которую оставалось только прилагать к разнообразному конкретному материалу, будь то теория познания или социальная история. Так родились реакционная доктрина социал-дарвинизма, «биологическая» концепция познания, развита Р. Авенариусом, Э. Махом, А. Богдановым и др.

Основная предпосылка этой концепции — выведение познания из биологических потребностей организма. Этими потребностями определяются и сама природа познания, и его специфические законы. В теории Авенариуса идея эта разрабатывается с помощью формальных построений. Основные понятия биологии — организм, среда, обмен веществ и др. — представляются в виде функциональных связей, используются математические уравнения и неравенства. Авенариус записывает основное уравнение состояния организма как $f(R) + f(S) = 0$, где $f(R)$ — изменения в организме, вызванные воздействием среды (R); $f(S)$ — изменения, вызванные обменом веществ (S). Познавательная ситуация возникает вследствие отклонения от состояния равновесия, тогда как левая часть уравнения состояния становится меньше нуля [3]. Познание оказывается средством самосохранения организма, существенным элементом механизма его адаптации к среде. Результатом эволюционного процесса адаптации является опыт.

Опыт доставляется обыденным и естественнонаучным познанием. Конкретные науки и обыденная практика постоянно накапливают его. Однако без специальной процедуры «очищения»

опыт не может выполнять свою основную функцию — быть средством все более эффективной целесообразной ориентировки в среде. Первичный опыт «засорен» бесплодными аналогиями, ценностными и антропоморфными представлениями. Задача философии и состоит в том, чтобы выявить содержание «чистого опыта», т. е. очистить знание, получаемое на этапе докритического (обыденного и естественнонаучного) познания [3, с. 51]. Частично с этой задачей справляется и сама наука в своем историческом развитии. Она эффективно «очищает опыт» от мифологических и антропоморфных апперцепций. Однако, считает Авенариус, так называемые интеллектуально-формальные апперцепции (привнесения в опыт общих понятий) могут быть устранены только философским анализом — наиболее абстрактной критикой чистого опыта.

Нетрудно увидеть в этих рассуждениях поверхностную аналогию, то, против чего направлено, по словам Авенариуса, само его учение. Действительно, в своей изощренно схоластической терминологии он пытается воспроизвести схему теоретико-эволюционного мышления, абстрактно-всеобщую форму учения Дарвина. Теория естественного отбора в трактовке Дарвина основана на двух положениях. Первое — размножение организмов происходит так, что потомки постоянно, хотя и незначительно, отличаются от своих родителей. Изменение претерпевают любые признаки и в самых произвольных направлениях. Этот процесс составляет то, что называют исходным материалом эволюции. Второе — закрепляются не любые изменения, а лишь такие, которые оптимизируют выживаемость вида. Следовательно, исходный материал претерпевает «очищение». Действительностью на уровне вида оказывается только узкая часть спектра вариаций, возникающих на уровне бытия индивидов. В теории Авенариуса материалу эволюции соответствует первичный опыт, не действительный («чистый») опыт, а только его возможность. То, что Авенариус называет «очищением опыта» соответствует процессу отбора вариаций, оптимизирующих выживаемость вида. Эти аналогии метко охарактеризовал В. И. Ленин, называя их «игрой в биологические термины», «биологическими бирюльками Авенариуса» [2, т. 18, с. 337—338]. Приводя в качестве примера критику К. Марксом Ф. Ланге, который пытался оперировать в социологии терминологией теории эволюции, В. И. Ленин писал: «Основу критики Ланге составляет у Маркса не в том, что Ланге подсовывает специально мальтузианство в социологию, а в том, что перенесение биологических понятий вообще в область общественных наук есть *фраза*» [Там же, с. 349].

У Маха интерес к гносеологическим вопросам был вызван его естественнонаучными исследованиями. Мах прямо называет свою теорию познания «естественнонаучной», а точнее, «биологически-экономической». Он отмечает, что рано заинтересовался биологией и к 1859 г., когда появилось «Происхождение видов»,

он обладал достаточной подготовкой, чтобы усвоить идею Дарвина. В его университетских лекциях «борьба научных идей, рассматривается как жизненная борьба с переживанием наиболее приспособленного в результате ее» [4, с. 26]. Мы видим здесь прямое применение идеи Дарвина к научному познанию. Далее Мах пишет: «Всякий полезный биологический процесс есть процесс самосохранения и, как таковой, вместе с тем процесс приспособления»; «... Все полезные процессы познания суть частные случаи или части биологически полезных процессов» [Там же]. С этой точки зрения познание понимается как одна из форм приспособления к среде. Вырабатываемые в процессе приспособления научные понятия и идеи суть средства борьбы за существование, инструменты биологического выживания. Например, знание законов природы позволяет человеку «ограничивать ожидание» и поэтому более экономно действовать. В этом, считает Мах, состоит «биологическое значение законов природы» [5, с. 448]. Человек отличается от животного тем, что обладает более мощным средством биологического выживания — мышлением. И сами идеи претерпевают эволюционное изменение, стремятся приспособиться и выжить. Они соперничают между собой. Более гибким удастся какое-то время устоять, окостеневшие — вымирают. Наука — это непрерывный процесс эволюционного соперничества теорий.

К чему же приспособляются научные идеи в борьбе за существование? Ответ на этот вопрос следует из определения Махом задачи научного познания: идеи должны быть приспособлены к фактам. Процессом этого приспособления управляет принцип экономии. Таким образом, факты в теории Маха, до существу отождествляемые с ощущениями, играют роль среды, система научных идей — роль вида, а отдельные соперничающие идеи — роль индивидов популяции. Факты представляются чем-то абсолютным в своей первичности. Они задают характер идей, они не зависят от идей и в этом смысле неизменны. Идеи лишь приспособляются к фактам (ощущениям).

Уже одного этого вывода из теории Маха достаточно для уяснения ее несостоятельности. Она приводит к метафизическому противопоставлению фактов теоретическому знанию, что противоречит реальной практике научного исследования, истории науки. Механический перенос готовой схемы мышления из биологии в теорию познания обнаружил в целом свою бесплодность. Это убедительно показали сами естествоиспытатели и в первую очередь выдающийся физик М. Планк. В личной полемике с Махом он отстаивал принципы материализма. Основные моменты его критики «биологически-экономической» теории познания таковы: 1) фактическое развитие физики не убеждает в том, что экономия мышления определяет характер физического исследования. Более того, великие новаторы в науке едва ли опирались на экономическую точку зрения в борьбе против уна-

следованных воззрений. «Нет, — утверждает Планк, — опорой всей их деятельности была незыблемая уверенность в реальности их картины мира» [6, с. 632]. Поэтому вполне обоснованно опасение, что «ход мыслей передовых умов был бы нарушен, полет их фантазии ослаблен, а развитие науки было бы роковым образом задержано, если бы принцип экономии Маха действительно сделался центральным пунктом теории познания. Не будет ли действительно «экономичнее», если мы укажем принципу экономии более скромное место?» [Там же]; 2) поскольку под фактами Мах понимает ощущения, его попытка положить ощущения в основу научной картины мира противоречит действительному развитию физики. Ведь «это развитие, — подчеркивает Планк, — выражается в непрерывном исключении именно этих элементов мира из физической картины мира» [6, с. 630]; 3) наконец, последовательное проведение «биологически-экономической» точки зрения приводит к отрицанию атомизма, что несовместимо с духом современного физического мышления. Отказ от атомизма мог бы привести к непреодолимым трудностям, обречь физику на застой.

Краткое рассмотрение почти забытых в методологии науки концепций убеждает нас в том, что ориентация на анализ ставшего знания, на «препарирование» результатов научного исследования не является единственным недостатком позитивистской доктрины. Переход от статики к динамике сам по себе не означает ни критики, ни даже отказа от позитивизма. Вполне позитивистски, как мы пытались показать, может быть представлена и динамика научного познания. Причем, это представление гораздо старше статики логического позитивизма. Об этом следует помнить, оценивая изменения в современной философии науки. В частности, следует ответить на вопрос, насколько приставка «пост» меняет суть позитивизма.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Авенариус Р. Философия как мышление о мире согласно принципу наименьшей меры силы. Прологомены к критике чистого опыта. — СПб, 1912. — 315 с. 4. Мах Э. Основные идеи моей естественнонаучной теории познания и отношение к ней моих современников. — В кн.: Новые идеи в философии. Сб. 2. — СПб., 1912. 5. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. — М.: 1909. — 245 с. 7. Тимирязев К. А. Значение переворота, произведенного в современном естествознании Дарвином. — В кн.: Ч. Дарвин. Происхождение видов. М., 1936.

Поступила в редколлегию 25.03.82.

Н. В. ДЬЯЧЕНКО, канд. филос. наук

О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИДЕИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ОТРИЦАНИЯ В «НЕГАТИВНОЙ ДИАЛЕКТИКЕ» МАРКУЗЕ И АДОРНО

Кризис капитализма, усилившийся во второй половине XX в., обусловил кризис буржуазного сознания. В связи с этим в бур-

жуазной философии возникает специфическая форма философствования — так называемая «негативная диалектика», характерная в особенности для «критических теорий», выдвинутых еще Штирнером, Ницше и развитых Хайдеггером, Сартром, Маркузе, Адорно и др.

Крушение иллюзий, переоценка ценностей, неверие в социальные идеалы — все это рассматривается буржуазными идеологами как неизбежное и вечное состояние человеческой цивилизации. Среди идеологов мелкой буржуазии усиливаются настроения отчаяния и социального пессимизма.

Один из главных представителей «негативной диалектики» Маркузе развивает мысль об усиливающемся отчуждении человека, причиной которому, по его мнению, являются наука, техника, культура вообще [7, с. 13]. При этом рабочий класс якобы «интегрировался» в существующую общественную систему, утратил свой революционный характер. Поэтому дело революционного отрицания должны взять в свои руки социальные слои, которые находятся вне данной системы. Субъектом революционного отрицания, авангардом революционного движения могут стать лица, отверженные индустриальным обществом, аутсайдеры, безработные, деклассированные элементы.

Социально-политическая версия современного революционного процесса «обосновывается» Маркузе философски. По его мнению, акцент только на внешние силы как движущее начало в развитии социальной системы явно не согласуется с диалектикой Гегеля. Ведь, по Гегелю, отрицание выступает как самоотрицание, т. е. оно является имманентным процессом, результатом внутренней противоречивости духа [5, т. 1, с. 110]. Маркузе пересмотрел гегелевское учение об отрицании в субъективистском, волюнтаристском духе.

Одним из основных выступлений Маркузе является его доклад на гегелевском конгрессе, в котором он подчеркнул, что ныне терминология гегелевской и марксистской диалектики уже не является адекватной новым историческим условиям. В частности, существует несоответствие между обычными диалектическими терминами и содержанием развития позднего капитализма [10, с. 375]. Он не согласен с мыслью об отрицании как имманентном процессе, как процессе, вытекающем из внутреннего развития системы. В результате отрицания ничего нового в развитии не возникает, так как «через все взрывные и радикальные революционные переходы и спады все время развивается одна и та же сущность, причем спрятанные в ней возможности лишь высвобождаются путем отрицания» [Там же, с. 376]. В результате отрицание в гегелевской диалектике «принимает мнимый характер», поскольку в итоге побеждает «позитивность и прогресс». Маркузе считает, что дело здесь не в позитивно-конформистской позиции Гегеля (в чем нередко его упрекают), а в самом толковании отрицания. Неверны якобы исходные посылки

диалектики Гегеля, рассматривающего отрицание как самоотрицание, как внутренне детерминированный процесс. Это же, по Маркузе, относится и к марксистскому пониманию отрицания, так как материалистическая диалектика продолжает оставаться в плену гегелевского «идеалистического разума и позитивности» [Там же].

Свои философские выкладки Маркузе пытается подтвердить ссылками на существующую расстановку социальных сил в современном буржуазном обществе. Он высказывает сомнение в истинности одного из важнейших положений марксистской теории о том, что отрицательные силы существуют внутри антагонистического общества, что классовая борьба в нем обостряется и должна привести к социальному освобождению. Рабочий класс, по его мнению, нейтрализован и превращается из отрицательной, разрушительной силы в положительную силу. Каков же вывод из этих рассуждений? Он состоит в том, что отрицание как средство социального освобождения является «сомнительным, несостоятельным» [Там же, с. 377].

Таким образом, Маркузе сводит отрицание только к внешнему акту. Под «внешним» он понимает те социальные слои и общественные силы, которые «угнетены в пределах существующего антагонистического целого и не могут в нем развиваться» [Там же, с. 378]. Поскольку рабочий класс Маркузе заведомо исключает из этих сил, считая его «внутренним элементом репрессивного целого», ставка делается на неконформистскую молодежь и интеллигенцию. Именно в этих социальных слоях, по мнению Маркузе, сосредоточены силы отрицания современного буржуазного общества.

В своих нападках на диалектику Гегеля и тем более на диалектику К. Маркса Маркузе не прав по существу. В самом деле, уже в «Феноменологии духа» Гегель формулирует основные положения относительно роли отрицания в развитии, проводит мысль об отрицательности как проявлении внутренней противоречивости явлений [4, т. 4, с. 12, 19, 38, 45]. И не случайно Маркс отмечал, что диалектика отрицательности как движущий принцип является конечным результатом гегелевской «Феноменологии духа» [1, с. 627].

В «Науке логики» Гегель тщательно разрабатывает идею самопротиворечивости, внутренней отрицательности вещей как источника развития. Так, он отмечает, что в силу внутренней самоотрицательности вещи «гонят себя дальше», в результате «отрицающее себя и свое отрицание выступает как прогресс» [5, т. 1, с. 192]. Наконец, хрестоматийным стало гегелевское определение внутренней отрицательности в развитии: «Она простой момент отрицательного соотношения с собой, глубочайший источник всякой деятельности, живого и духовного самодвижения, диалектическая душа, которую все истинное имеет в самом себе и через которую она только и есть истина» [5, т. 3, с. 301].

Это положение В. И. Ленин называет солью диалектики [3, т. 29, с. 210].

В послесловии ко второму изданию «Капитала» Маркс отмечал: «Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения» [2, т. 23, с. 22]. Это положение целиком относится и к учению Гегеля об отрицании. Несмотря на идеалистическую оболочку, в этом учении содержится ценная мысль об отрицательности как проявлении внутренней противоречивости вещей. Классики марксизма-ленинизма сохранили рациональное зерно гегелевского учения о самоотрицательности и развитии его на материалистической основе. Уже в ранних работах Маркса выдвигается положение о переходе отрицательности в отрицание как потенциального в актуальное [1, с. 197]. Блестящим образом анализа перехода явился «Капитал». Маркс показал, что экспроприация частной собственности совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, и капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание [2, т. 23, с. 722—773].

История убедительно доказала истинность марксистской социальной теории. Пролетариат, возглавляемый коммунистическими партиями, на всех этапах исторического развития выступает как решающая революционная сила на пути перехода от капитализма к социализму. Именно он является носителем, «агентом» революционного отрицания. Его негативность конструктивна. Разрушая старый, он вместе с тем создает новый, более прогрессивный общественный строй.

Маркузе выступает как метафизик и вульгаризатор в понимании основных законов диалектики. Он односторонне подходит к оценке роли внутренних и внешних факторов в социальном развитии. Приписывая главную роль неким мифическим «внешним» силам, он не осознает, что внешнее само по себе не существует без внутреннего, и наоборот. Рабочий класс выступает как внутренняя сила по отношению к старому, буржуазному обществу. Но он одновременно и внешняя сила, поскольку он — класс будущего, класс-экспроприатор прогнившей капиталистической системы. С другой стороны, Маркузе искусственно обособляет молодежь, интеллигенцию от буржуазного общества, считая их сугубо «внешней» силой. На самом деле интеллигенция и молодежь в условиях монополистического капитализма в своей большей части оказывается вовлеченной в сферу производства, работает по найму и в социальном отношении весьма близка к положению рабочего класса. Пролетаризированные интеллектуалы, студенты все явственнее связывают свою борьбу за социальное освобождение с борьбой рабочего класса, трудящихся.

Таким образом, называть эти слон «внешней» революционной силой и противопоставлять ее рабочему классу — значит искажать существующую картину в расстановке социальных сил в современном буржуазном обществе. Если уж использовать терминологию Маркузе, то рабочий класс является в большей степени «внешней» революционной силой, чем молодежь и интеллигенция, поскольку последние в силу объективных причин более подвержены влиянию буржуазной идеологии и буржуазного образа жизни.

Итак, ни с точки зрения философии, ни в плане социально-политической аргументации теория Маркузе не выдерживает критики. Внутренняя отрицательность современного буржуазного общества проявляется прежде всего в нарастающей борьбе рабочего класса против эксплуатации и социального неравенства, в росте антикапиталистической активности значительной части молодежи и интеллигенции. Главным «агентом» революционного отрицания является рабочий класс и в опровержении этого положения не помогут Маркузе ни пересмотр понятия отрицания в диалектике, ни социально-политическая софистика.

Вслед за Маркузе другой идеолог радикализма Т. Адорно обвиняет материалистическую диалектику в том, что она недостаточно «критична», «негативна» и якобы требует «коррекции» в духе негативизма. Главный свой труд, в котором сконцентрированы многие идеи неомарксизма в области диалектики, Адорно называет «Негативная диалектика». Он во многом повторяет мысли Маркузе о месте и роли отрицания в современном социальном процессе и рассматривает его в духе абсолютной отрицательности, считая, что Гегель и Маркс преувеличивали позитивность отрицания. В отличие от Маркузе Адорно значительно больше внимания уделяет критике закона отрицания отрицания. Он считает, что именно идея отрицания отрицания в философии Гегеля и Маркса снимает с повестки дня вопрос о негативности мышления и практического действия.

Адорно так разъясняет свои задачи в связи с несколько парадоксальным заголовком книги: «Мы хотим освободить диалектику от утвердительности ... без ущерба для определенности» [9, с. 7]. По его мнению, включение идеи отрицания отрицания в диалектику привело последнюю к возврату на позиции формальной логики. Оно якобы создало методологическую основу для апологетики, конформизма и оправдания существующей действительности в политике и революционном процессе. Каковы же аргументы Адорно?

Так же, как и Маркузе, он обвиняет Гегеля и Маркса в том, что в их диалектике отрицание недостаточно отрицательно. Оно не должно вести к утверждению, к позитивности, к возврату к старому, ибо в таком случае оно не выполняет своей главной роли — разрушения и уничтожения отрицаемого. Адорно отмечает, что отрицание у Гегеля «насыщается тяжестью своего

предмета, вместо того чтобы, не задерживаясь, перепрыгнуть через него». Такое понимание отрицания «поступает на службу апологетике, оправдывает существующее» [8, с. 98].

Адорно считает закон отрицания отрицания выражением той позитивности, с которой так боролся Гегель в молодости. Более того, отрицание отрицания — это, по мнению автора, антидиалектический принцип, не выходящий за рамки традиционной логики. Адорно выступает против такого существенного момента, как повторение отдельных черт исходных ступеней развития на высшей основе. А ведь именно это и составляет сущность отрицания как основного закона материалистической диалектики [3, т. 29, с. 203]. Обвинение Адорно в метафизической сути отрицания отрицания явно несостоятельно. Упрощенческое толкование отрицания отрицания («минус на минус дает плюс») говорит о том, что этот философ не понимает (или не желает понять) сути диалектической концепции развития — развития по спирали, с возвратами якобы к старому, с повторениями на высшей основе. В своих нападках Адорно пытается опереться на ранние работы Маркса, в которых критикуются гегелевские понятия «снятие» и «отрицание отрицания» [8, с. 30]. Однако он фальсифицирует Маркса. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс критикует Гегеля не за то, что последний использует эти понятия в диалектике, а за их идеалистическое истолкование. Он отмечает, что в силу абсолютного идеализма в диалектике Гегеля искажается учение об отрицании. «Так как Гегель приравнивает человека к самосознанию, то отчужденный предмет человека, его отчужденная сущностная действительность есть не что иное, как *сознание* отчуждения, всего лишь мысль об отчуждении, его *абстрактное* и потому бессодержательное и недействительное выражение — *отрицание*. Поэтому и снятие отчуждения есть тоже не что иное, как абстрактное, бессодержательное снятие этой бессодержательной абстракции — *отрицание отрицания*. Поэтому содержательная, живая, чувственная, конкретная деятельность самоопредмечивания становится всего лишь абстракцией этой деятельности — *абсолютной деятельностью*, абстракцией, которая в свою очередь фиксируется как таковая и мыслится как самостоятельная деятельность, как деятельность просто. Так как эта так называемая отрицательность есть не что иное, как абстрактная, бессодержательная форма вышеуказанного действительного живого акта, то и содержание ее может быть только *формальным*, полученным путем абстрагирования от всякого содержания» [1, с. 638].

Как видим, Маркс выступил не против «снятия» и отрицания отрицания в диалектике, а против их идеалистического истолкования, против абсолютизации сохранения элементов старого в новом, характерного вообще для учения Гегеля о «снятии». Классики марксизма-ленинизма высоко оценили идею

снятия как важнейшего момента развития [3, т. 29, с. 96] и широко использовали ее в теоретико-методологическом анализе, в революционной деятельности. Однако они подвергли критике Гегеля за то, что он субъективистски истолковал это понятие, нередко используя его как форму беспринципного компромисса между диалектическими противоположностями.

Адорно гипертрофирует момент отрицания в «снятии», доводит до абсурда имеющую место в развитии негативность, искажает саму суть отрицания в диалектике. ««Негативная диалектика» есть негация диалектики», — справедливо отмечает венгерский философ А. Геде [6, с. 135]. По сути, мы имеем дело с псевдодиалектической негативностью, которая теоретически бессмысленна, а в социально-революционном плане бесплодна.

Таким образом, «критическая теория» в современной буржуазной философии, претендующая на дальнейшее развитие диалектики в новых исторических условиях, является одним из вариантов иррациональной философии. По своей классовой сути она есть разновидность мелкобуржуазного интеллектуального радикализма и дезориентирует радикальные группы интеллигенции и молодежи. Тем самым она занимает важное место в идеологическом арсенале господствующих классов современного буржуазного общества. Борьба против этой теории по-прежнему актуальна.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М., 1956. 2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 4. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: В 14-ти т. — М.; Л., 1929—1959. 5. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3-х т. — М., 1970—1972. 6. Геде А. Диалектика отрицания или отрицание диалектики/Науч. доклады высшей школы. — Филос. науки, 1970, № 5. 7. Корф Г. Критика теорий культуры Макса Вебера и Герберта Маркузе. — М., 1975. — 210 с. 8. Adorno Th. W. Drei Studien zu Hegel. — Frankfurt a. M., 1963. 9. Adorno Th. W. Negative Dialektik. — Frankfurt a. M., 1966. 10. Marcuse H. Zum Begriff der Negation in der Dialektik. — Filosofický časopis, 1967, N 3.

Поступила в редколлегию 22.02.82.

Е. В. КОРНИЕНКО, В. П. ПЕДАН, канд. филос. наук

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И СТРУКТУРЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ

Одной из важнейших задач коммунистического строительства является воспитание нового человека. Именно поэтому проблема всестороннего, гармонического развития личности все чаще становится предметом комплексного исследования различных общественных наук. Многие ученые сосредоточивают свое внимание на ценностных ориентациях личности. И это не случайно, ибо ценностные ориентации пронизывают все сферы деятельности человека, раскрывают существенные стороны его образа жизни, взаимоотношений личности и общества.

В научной литературе существуют различные взгляды на природу и тип ценностных ориентаций личности. В данной статье делается попытка обобщить некоторые точки зрения, найти наиболее значимое определение сущности и структуры ценностных ориентаций.

Введение понятия ценностных ориентаций в описание и теоретическое объяснение деятельности личности, ее духовного облика и образа жизни продиктовано необходимостью зафиксировать в системе регулятивов человеческого поведения интегральное единство тех аспектов сознания и деятельности, в которых проявляется ценностное отношение к миру. Сущностный смысл такого отношения вытекает из фундаментального положения марксистско-ленинской теории человека, связывающего его природу с практическим, деятельно-творческим преобразованием действительности. По словам В. И. Ленина, общественно-историческая практика выступает и «... как критерий истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку» [1, т. 42, с. 290]. Такое двуединое значение практики предопределяет и характер отражательного процесса, в котором предметы представлены не только со стороны своих объективных свойств, но и с точки зрения того, что «нужно человеку», т. е. со стороны их функциональной значимости, ценности для субъекта. Ценностные ориентации представляют собой системное единство наиболее значимых ценностных компонентов сознания, непосредственно проявляющихся в целенаправленной и избирательной деятельности по выявлению функциональной значимости явлений, а тем самым и по освоению ценностей.

Некоторые исследователи (М. В. Демин, А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов, Г. А. Нечаева и др. ученые) понятие ценностной ориентации связывают с понятием установки. В теории установки, разработанной Д. Н. Узнадзе, это явление характеризуется как специфическое состояние субъекта, выражающееся в его готовности к свершению деятельности в целях удовлетворения своих потребностей. Некоторые из актуальных установок повторяются и закрепляются, становятся фиксированными. Система таких фиксированных установок образует ценностную ориентацию личности. Например, А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов определяют ее как «установку личности на те или иные ценности материальной и духовной культуры общества» [5, с. 199]. Авторы подчеркивают, что ценностные ориентации являются важнейшим компонентом структуры личности, так как в них реализуется весь жизненный опыт личности. «Это тот компонент структуры личности, который представляет собой некоторую ось сознания, вокруг которой вращаются помыслы и чувства человека и с точки зрения которой решаются многие жизненные вопросы» [5, с. 199].

Определяя ценностные ориентации через установку, сторонники данной точки зрения утверждают преимущественно их

бессознательный характер, так как установки личностью не осознаются.

Иной точки зрения придерживаются В. В. Сусленко, В. И. Крюков и некоторые другие авторы, которые относят ценностные ориентации к сфере сознательной деятельности человека. По мнению В. В. Сусленко, ценностная ориентация — это феномен, который возникает на основе установок, но не тождествен ей, так как ценностная ориентация — это осознание личностью своего отношения к миру, труду, обществу, самой себе. «Основная функция ценностных ориентаций, — подчеркивает автор, — регулирование поведения как осознанного действия» [9, с. 88].

На наш взгляд, регуляция поведения на основе ценностных ориентаций может осуществляться по крайней мере на двух уровнях — осознанном и неосознанном. Сущность ценностных ориентаций определяется не степенью осознанности ценностного выбора, а механизмом соотнесения объекта ценности с нормами, образцами и установлением соответствия или несоответствия им. Такое соотнесение может осуществляться осознанно и неосознанно. Эти два уровня могут находиться в различном соотношении как в историческом плане становления и развития личности, так и в деятельности конкретного индивида.

Для понимания сущности ценностных ориентаций важное значение имеет исследование их внутренней структуры. По этому вопросу в литературе наметилось несколько мнений.

Так, Б. И. Додонов [4] основанием классификации ценностных ориентаций считает временной фактор человеческих потребностей. В соответствии с ним автор рассматривает ценностные ориентации личности как простые, определяемые устойчивыми потребностями; гаснущие, вызываемые временными программами-потребностями; воспроизводимые, связанные с потребностями, не имеющими постоянного характера, но и не являющимися однородными; проникающие, образующие, по мнению автора, наиболее важный вид ценностных ориентаций личности. Последние связаны с программой на будущее и образуют «тот ведущий компонент в структуре личности, который следует характеризовать как ее направленность» [4, с. 20—21].

Этот подход раскрывает лишь один из аспектов структуры ценностных ориентаций личности — функционирование их как психологического феномена.

Основанием типологии ценностных ориентаций, разработанной Л. П. Фоминой [11], является поступательное движение общественно-экономических формаций. Автор различает общественно-исторические, социально-классовые и индивидуальные типы ценностных ориентаций.

Позитивная сторона данного подхода — попытка вскрыть общность ценностных ориентаций личности и общества в их генезисе и развитии, выявить связь и взаимопроникновение основ-

ных систем ценностных ориентаций, функционирующих в обществе.

К. Н. Хабибулин [12] предлагает рассматривать структуру ценностных ориентаций в четырех аспектах: по субъекту, объекту, виду и способу деятельности. По субъекту деятельности, как пишет автор, они указывают на необходимость изучения проблемы с учетом функционального аспекта, фиксированного в деятельности личности, социальной группы, класса, общества.

Ценностные ориентации, рассматриваемые по объекту деятельности, автор условно делит на ориентации, вызванные материальными (витальными) и духовными (социогенными) потребностями. Классификация ценностных ориентаций по видам деятельности не конкретизирована автором, однако ценной является мысль о том, что виды деятельности субординированы в сознании субъекта в зависимости от роли, выполняемой ими в развитии личности и общественных отношений. Ориентации по способу деятельности группируются на рациональные, т. е. отражающие объективные интересы личности, и нерациональные, противоположные им.

Одна из наиболее развернутых характеристик ценностных ориентаций личности принадлежит В. В. Сусленко [9]. Она выделяет в структуре личности три уровня: биологический, в основе которого лежат генотипические механизмы, социальный, определяемый социокультурными механизмами и в свою очередь разделяемый на формальный и неформальный, и психологический, синтезирующий два предыдущих и обеспечивающий внутреннее единство личности. Каждый из уровней характеризуется определенными потребностями и соответствующими им ценностями. Кроме того, автор указывает на пять аспектов деятельности (фиксируются именно аспекты, а не виды человеческой деятельности): эстетический, основной целью и ценностью которого является красота, нравственный (добро), политико-правовой (социальная справедливость), программирующий (истина), утилитарный (польза). Все аспекты деятельности и соответствующие им ценности субординированы в сознании субъекта. В зависимости от типа культуры один из аспектов деятельности является определяющим и подчиняет себе остальные.

В литературе имеются и другие характеристики структуры ценностных ориентаций, в значительной своей части аналогичные уже рассмотренным. Изучение структурной организации ценностных ориентаций важно не само по себе, а как необходимое средство обнаружения их содержательного смысла. В связи с этим принципиальное значение приобретает содержательная и эвристическая значимость принципов, оснований, критериев, с помощью которых выделяются структурные компоненты ценностных ориентаций и координационных или субординационных связи между ними.

В качестве объективных оснований для различных подходов в исследовании структурной организации ценностных ориентаций личности, по нашему мнению, должны быть взяты именно те методологические принципы, в которых сконцентрированы диалектико-материалистическое понимание сущности человека, предпосылки формирования его сознания и видов деятельности, конкретно-исторические формы взаимосвязи личности и общества.

Особое важное значение приобретает исследование структуры ценностных ориентаций личности в конкретно-исторической системе личность — общество. Такая методологическая установка дает возможность целостно и развернуто использовать принципы диалектико-материалистического исследования, вытекающие из материалистического понимания истории и сущности человека. Введение понятия ценностных ориентаций в систему личность — общество позволяет прояснить механизм интеграции личности и общества, раскрыть способы трансформации ценностей общества в ориентиры поведения личности, дать содержательную интерпретацию и объективную оценку иерархически организационной структуре ценностных ориентаций личности не с точки зрения ее самой, а с точки зрения объективных критериев, которые находятся вне сферы личности. Такой подход позволяет органически связать ценностные ориентации с образом жизни, четко определить базовые ценностные ориентации, соотнеся их с типологическими характеристиками личности.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Ананьев Г. Б. Человек как предмет познания. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. — 339 с. 3. Демин М. В. Проблема ценности и ценностного отношения. — Вестн. Моск. ун-та, 1975, № 2. Сер. 8. Философия, с. 40—49. 4. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. — М.: Политиздат, 1978. — 270 с. 5. Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности. — В кн.: Социология в СССР. М.: Мысль, 1965, 2, с. 196—205. 6. Крюков В. И. Ориентация как психологическая и социальная проблема. — Вopr. методологии науки, 1972, вып. 2, с. 121—129. 7. Нечаева Г. А. Соотношение ценности и оценки. — В кн.: Философское освоение мира человеком. М.: 1977, с. 48—57. 8. Сусленко В. В. О принципе построения инвариантной структуры ценностных ориентаций. — В кн.: Понятие деятельности в философской науке. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978, с. 143—159. 9. Сусленко В. В. Соотношение понятий «ценность», «ценностная ориентация» и «установка». — Вopr. философии и социологии, Томск, 1976, с. 86—93. 10. Файнбург З. И. Ценностные ориентации личности в некоторых социальных группах социалистического общества. — В кн.: Личность и ее ценностные ориентации, 1969, с. 59—99. 11. Фомина Л. П. Понятие и типы ценностных ориентаций: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Л., 1976. — 24 с. 12. Ценностные ориентации социалистического образа жизни. — Л.: Изд-во ЛГПИ, 1979. — 166 с.

Поступила в редколлегию 05.04.83.

СОДЕРЖАНИЕ

Бусел П. И. Социальная обусловленность потребности личности в труде	3
Минина Л. Ф. О политической культуре как философско-социологической категории	8
Мазаева Е. Б., Мануйлов Е. Н. Нравственные потребности и интересы в системе факторов поведения личности	12
Русанов А. М. Социалистический образ жизни как система	17
Козуб Т. А. Становление сущности человека в свете марксовой категории общественного производства	22
Фролова О. В. О конкретно-историческом подходе к определению понятия «производство человека»	27
Трофимюк В. К. О диалектико-логическом основании марксовой категории всеобщего труда	33
Синицын Н. Т. К истории понятия «управление»	39
Карпенко И. В. Некоторые методологические аспекты анализа развития науки как источника диалектики	47
Шкода В. В. Стоимость, энергия, смысл (о практической природе понятия)	52
Воропай Т. С. Понимание и смысл (состояние проблемы)	60
Бобкова Н. П., Узбек К. М. О соотношении истины и доказательства в математической науке в свете теорем Геделя	65
Булгаков А. К. Об уровнях технического знания	71
Дидур И. А. К вопросу об ощущении как субъективном образе объективного мира	80
Максименко Ю. Ф. Проблема деятельности и самосознания в классической немецкой философии	87
Тягло А. В., Сехмистро И. З. К критике метафизической дескрипции временных отношений	94
Букреев В. В., Шкода В. В. Позитивизм и проблема научного познания	98
Дьяченко Н. В. О фальсификации идеи диалектического отрицания в «негативной диалектике» Маркузе и Адорно	102
Корниенко Е. В., Педан В. П. К вопросу о сущности и структуре ценностных ориентаций личности	109

ВЕСТНИК

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 244

Методологические вопросы научного познания и социальной практики

Редактор *С. В. Кузенко*

Художественный редактор *В. Е. Петренко*

Технический редактор *Г. П. Александрова*

Корректоры *Л. М. Забродина, Н. А. Парфенова*

Сдано в набор 10.12.82. Подп. в печать 20.09.83. БЦ 09419.
Формат 60×90/16. Лит. гарн. Вых. печать. 7 печ. л. 7,25
кр.-стт. 8 уч.-изд. л. Тираж 500. Изд. № 1091. Зак. 472.
Цена 1 р. 10 к.

Издательство при Харьковском государственном университете
издательского объединения «Вища школа». 310003, Харьков-3,
ул. Университетская, 16

Харьковская городская типография № 16
310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16